

ИНСТИТУТ ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ СЕМЬИ

ФЕНОМЕНЫ, МЕТОДЫ, КОНЦЕПЦИИ

Выпуск 4

**Санкт-Петербург
2010**

ББК 88
УДК 159.9

Институт Практической Психологии

Печатается по рекомендации кафедры психологии человека ППФ РГПУ им. А. И. Герцена

Научный редактор: **С. А. Векилова**, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии человека психолого-педагогического факультета РГПУ им. А. И. Герцена

Рецензенты: **Е. Ю. Коржова**, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии человека психолого-педагогического факультета РГПУ им. А. И. Герцена
О. В. Барсукова, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии человека психолого-педагогического факультета РГПУ им. А. И. Герцена

Корректурa, верстка: **М. С. Волохонская**, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии человека психолого-педагогического факультета РГПУ им. А. И. Герцена

Современные проблемы психологии семьи: феномены, методы, концепции. Вып. 4. – СПб.: Изд-во АНО «ИПП», 2010. – 86 с.

ISBN 978-5-902837-39-8

Научное издание

Печатается на средства авторов

ISBN 978-5-902837-39-8

© Изд-во АНО «ИПП», 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Безгодова С. А., Рогожкина А. В.

Взаимосвязь особенностей семейного воспитания подростка и его эмоциональных состояний в ситуациях оценки другими людьми 4

Богдановская И. М., Зверева А. А.

Переживание кризиса семейных отношений на разных этапах брака 13

Векилова С. А.

Семейное забвение как психологический феномен 19

Волохонская М. С.

Возможности аниметерапии в контексте психологии семейных отношений 28

Волохонская М. С., Микляева А. В.

Социально-психологические аспекты феномена межпоколенческого конфликта в семье 35

Еремеев Б. А.

Тематика трёх сборников по психологии семьи (2007-2009 гг) 41

Иконникова Г. Ю.

Проявление ревности у мужчин среднего возраста 50

Коржова Е. Ю.

Личность «потребителя» и особенности переживания жизненной ситуации вступления в брак (по повести н. В. Гоголя «иван федорович шпонька и его тетушка») 53

Сабунаева М. Л.

Однополюе семьи как феномен психологического познания 58

Солнцева Н. В., Бобурова А. А.

Любимый сказочный персонаж как отражение жизненной ситуации ребенка 64

Трегубенко И. А.

Субъективная картина жизненного пути у женщин с различным семейным статусом 72

Шишова Н. А.

Причины возникновения конфликтов в молодой семье 78

Штуккерт А. Л.

Влияние семьи на уровень толерантности у молодёжи Санкт-Петербурга 81

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОСОБЕННОСТЕЙ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ ПОДРОСТКА И ЕГО ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ В СИТУАЦИЯХ ОЦЕНКИ ДРУГИМИ ЛЮДЬМИ

«Мы выбираем, нас выбирают – как это часто не совпадает» - гласят слова довольно и давно известной песни. Действительно, оценка нас другими часто не совпадает с нашим представлением о себе, нашими прогнозами и ожиданиями на последующие взаимоотношения и взаимодействие с тем или иным человеком. При анализе ситуаций, когда ожидания и прогнозы не оправдываются, многие из нас считают, что вели себя не совсем так, и те или иные эмоциональные состояния и их проявления помешали эффективной самопрезентации и деятельности, которую оценивали другие люди. Более того, современная социальная ситуация (прием на работу, конкурсы, соревнования и т.д.) не предполагают повторного оценивания достижений, что повышает значение для человека произведенного первого впечатления и самой ситуации оценивания, а также психологических последствий данной ситуации, таких как выученная беспомощность, неуверенность в себе и т.д. В этой связи актуальность изучения проблемы поведения человека в ситуациях оценки другими, а также поиск факторов, связанных с проявлением тех или иных особенностей поведения в данных условиях, не вызывает сомнений.

Предметом нашего исследования было избрано эмоциональное состояние, поскольку оно обеспечивает стилевые характеристики поведения, отражается в нем, а также проявляется в эмоциональном реагировании человека в той или иной ситуации. Кроме того, изучение эмоциональных состояний человека в ситуациях оценивания другими людьми напрямую связано с изучением всей системы отношений человека. Эмоциональное состояние и, соответственно, эмоциональное реагирование является первичным базовым отношением человека в любой и к любой ситуации, тем не менее, оно взаимосвязано со многими другими внешними и внутренними факторами этой ситуации. К примеру, в ситуациях оценивания другими людьми к таким параметрам, относятся значимость для человека деятельности, подлежащей оцениванию; отношение человека к тем людям, которые его оценивают, характер их взаимоотношений в целом; отношение человека к самой ситуации оценивания, самооценка и самоотношение человека. Таким образом, в ситуацию оценки человека другими людьми включен весь комплекс системы отношений человека, отраженный в эмоциональном состоянии человека и выраженный в поведении. Поскольку речь идет о системе отношений человека, то формирование ее изначально протекает в семье. В семье мы впервые попадаем в ситуацию оценивания, что существенно влияет на формирование нашего самоотношения, также в семье формируется система ценностей, способы реагирования в ситуациях оценивания и

отношения к таким ситуациям. Поэтому представляется интересным, каким образом семейное воспитание и родительское отношение к детям взаимосвязано с поведением детей в ситуациях оценивания. С этой целью выявления особенностей этой взаимосвязи нами было проведено исследование, в котором участвовало 205 человек: 70 учащихся двух школ Санкт-Петербурга в возрасте 12-13 лет и 135 родителей этих учащихся. Выбор данной возрастной группы был не случаен: во-первых, для раннего подросткового возраста характерны яркие эмоциональные реакции и в первую очередь, именно они будут характеризовать поведение в ситуациях оценивания другими людьми, во-вторых, взаимоотношения с родителями в этом возрасте не утратили своей значимости и оцениваются подростками пока как отношения взрослый-ребенок. Как уже отмечалось ранее, исследование проводилось на базе двух школ, одна из которых общеобразовательная школа, на базе второй создана театральная студия, где занимались участники нашего исследования. Кроме того, учащиеся общеобразовательной школы дополнительно не обучались в творческих и спортивных кружках и студиях. Исследование проводилось во время устных экзаменов в школе с присутствием независимых экспертов (представителей других школ и отдела образования).

В ходе проведения исследования нами были использованы следующие методики:

- для выявления особенностей детско-родительских отношений и семейного воспитания: «Методика диагностики родительского отношения» А.Я.Варга, В.В. Столина, методика «Детско-родительские отношения в подростковом возрасте», авторская анкета.

- для исследования особенностей эмоциональных состояний и эмоционального реагирования: методика «Предпочитаемые эмоции» Б.И. Додонова, методика «Диагностика ситуативной и личностной тревожности» Спилбергера-Ханина, «Ориентационная анкета (направленность личности)» Б. Басса, мини-эссе «Описание эмоциональных состояний».

Исследуя эмоциональные состояния двух групп школьников в ситуации оценивания другими, мы получили следующие результаты: преобладающими состояниями во всей выборке были волнение (28,6%) и страх (17,8%), ранг и процентное соотношение этих состояний в группах учащихся из образовательной школы и учащихся школы с театральной студией не отличались от общих тенденций. В дальнейшем распределение и качество эмоциональных состояний в двух группах различалось. В группе школьников из общеобразовательной школы преобладающими оказались неуверенность в знаниях (16%), тревога (14%), раздражение (13%), дискомфорт (12%), беспокойство (12%), стыд (11%). В группе школьников – участников театральной студии – удовольствие (16%), радость (14%), бодрость (14%), азарт (14%), ощущение провала (13%), стеснение (13%), уверенность (13%), гордость (12%), приятное возбуждение (11%). Как видно из результатов в группе учащихся

образовательной школы преобладают негативные эмоциональные состояния, а в группе учеников школы с театральной студией амбивалентные и позитивные состояния (сходные в какой-то степени с состояниями экзальтации, что, возможно, объясняется еще и спецификой театрального искусства). Показатели тревожности в обеих группах школьников умеренные, но с тенденцией в сторону высоких значений, причем у учащихся школы с театральной студией данные показателей ситуативной и личностной тревожности несколько выше, чем у учащихся общеобразовательной школы (соответственно: СТ – 35 и 30, ЛТ – 42 и 38).

Сопоставляя результаты, можно сделать вывод о том, что, вероятно, школьники из общеобразовательных школ в большей степени осознают свои состояния и в большей степени принимают их, а учащиеся школы с театральной студией маскируют свои чувства и формируют психологические защиты в ситуациях, когда их оценивают, хотя можно предположить, что опыт публичных выступлений на сцене является для них своего рода тренингом, помогающим совладать с тревогой и волнением. Подтверждением нашего предположения о большей рефлексивности учащихся общеобразовательной школы являются результаты сравнительного анализа значений показателя «направленности на себя».

Таблица 1

Показатели	Учащиеся школы с театральной студией	Учащиеся общеобразовательной школы	Значение t-критерия
Направленность на себя	5,34	6,97	-3,58

Исследуя особенности взаимоотношений подростков с родителями и особенности семейного воспитания, мы получили следующие результаты.

Таблица 2. Средние значения по методике диагностики родительского отношения

Полученные средние показатели по шкалам	Учащиеся школы с театральной студией		Учащиеся общеобразовательной школы	
	Мать	Отец	Мать	Отец
Принятие/отвержение	10	10,5	9	8
Кооперация	7	7	7	6
Симбиоз	4	4,5	3	5
Авторитарная гиперсоциализация	4,5	4	2,5	3,7
«Маленький неудачник»	1,8	2	1,5	2,5

Образ ребенка у родителей из обеих групп выглядит как социально желательный и социально приемлемый. Как мы видим из таблицы, и в первой, и во второй группе родители принимают своих детей такими,

какие они есть, но в группе, где ученики занимаются в театральной студии, показатели средних значений выше, чем во второй. Также интересными выглядят симбиотические отношения со своими детьми, в обеих группах отцы в большей степени склонны к таким отношениям со своим ребенком, чем матери, что противоречит общепринятому мнению и научным данным. В компоненте «Авторитарной гиперсоциализации» мы видим зеркальную картину семейного воспитания. У учащихся общеобразовательной школы показатели по данной шкале выше у отцов, а в выборке учащихся школы с театральной студии – у матерей. Этот аспект воспитания заключается в том, насколько родитель пристально следит за социальными достижениями ребенка, его индивидуальными особенностями, привычками, мыслями, чувствами. Традиционно эта роль отводится отцу, возможно, поэтому в группе учащихся общеобразовательной школы подростки дают четкую картину того, как родители оценивают их достижения, а в группе учащихся школы с театральной студией эти представления размыты. Вероятно, данная нечеткость может объяснять тем, что матери подростков, обучающихся в школе с театральной студией, вместо ожидаемого детьми принятия, направлены на оценку их достижений в социальной сфере.

Также нами были получены статистически значимые различия в некоторых аспектах родительского отношения у отцов и матерей обеих групп соответственно.

Таблица 3. Сравнительный анализ средних значений показателей родительского отношения

Шкала	Родители учащихся школы с театральной студией	Родители учащихся общеобразовательной школы	Значение t-критерия
Принятие/отвержение (отношение матери)	10,14	8,89	6,27
Симбиоз (отношение матери)	4,03	3,26	2,22
Авторитарная гиперсоциализация (отношение матери)	4,6	2,46	6,77
Принятие/отвержение (отношение отца)	10,49	7,77	7,48
Кооперация (отношение отца)	6,71	5,77	3,06
«Маленький неудачник» (отношение отца)	2,06	1,51	2,49

Матери учащихся школы с театральной студией имеют статистически значимо более высокие баллы по шкалам «Принятие» и «Симбиоз», чем матери детей из общеобразовательной школы и низкие по

шкале «Авторитарная гиперсоциализация». Отцы учащихся общеобразовательной школы склонны чуть меньше кооперироваться со своими детьми, т.е. взаимодействовать для достижения общих целей, а также выглядят менее принимающими и в большей степени относятся к своим детям как к маленьким неудачникам в сравнении с отцами учащихся школы с театральной студией. Таким образом, в первой группе родители в большей степени больше принимают своего ребенка таким, какой он есть, они имеют более доверительные отношения с ребенком, отцы поощряют инициативу и самостоятельность ребенка, стараются быть с ним на равных. Во второй группе родители более дистанцированы от ребенка, предпочитая видеть в нем инфантильные черты и некоторую несостоятельность.

На наш взгляд, оценка детьми родительского отношения взаимосвязано с самоотношением подростков и, вследствие этого, на поведение и эмоциональные состояния. Не только родитель является объективным источником информации о детско-родительских отношениях; исследования показывают, что, говоря об отношениях между собой, родитель и ребенок часто не сходятся во мнениях, причем в случае расхождения представлений родителя и подростка, подросток оценивает отношения более строго. Поэтому обратимся к результатам по методике "Детско-родительские отношения подростков" (ДРОП).

Таблица 4. Средние значения по методике "Детско-родительские отношения подростков"

Шкала	Мать	Отец
Принятие	23,5	23,4
Эмпатия	23	22,2
Эмоциональная дистанция	22	22
Сотрудничество	23,1	23,1
Принятие решений	22,1	22,3
Конфликтность	6,7	6,5
Поощрение автономности	23,3	23,5
Требовательность	20,2	20
Мониторинг	21,5	20,9
Контроль	21,6	21,5
Авторитарность	16,8	16,4
Оказание поощрений	11,9	12
Реализация наказаний	8,2	8,2
Непоследовательность родителя	16	5,9
Неуверенность родителя	15,7	15,8
Удовлетворение потребностей	23,4	23,5
Неадекватность образа ребенка	15,3	15,3
Враждебность по отношению к супругу	6,9	6,8
Доброжелательность к супругу	10,9	10,9
Удовлетворенность отношениями	22,3	22,4

В основном все показатели вошли в зону средних значений: по мнению подростков, родители их в целом принимают, демонстрируют им свою любовь и внимание, осведомлены о делах и интересах подростков, уверены в своих воспитательных приемах и имеют четкую постоянную линию поведения в воспитании. Ребенок чувствует доброжелательное отношение своих родителей друг к другу. По мнению ребенка, складывается картина гармоничной семьи в аспекте отношения к нему родителя.

Любопытны результаты средних показателей у отцов по шкалам "принятие решений" и "контроль". Высокие значения по шкале "принятие решений" говорят о демократической схеме принятия решений в диаде (в данном случае, отец-ребенок), при этом мы можем видеть в таблице высокие баллы по шкале "контроль", т.е. подростки считают, что отцы их постоянно контролируют. При этом баллы по шкале "удовлетворение потребностей ребенка" у отцов стремятся к высоким значениям, это значит, что, несмотря на постоянный контроль со стороны отца по отношению к ребенку, ребенок полностью доволен качеством удовлетворения своих материальных потребностей, потребностей во внимании, в информации отцом и отношениями с ним в целом (показатель "удовлетворенность отношениями", где подростком указывается общая оценка качества отношений с родителем, даже немного выше, чем у матерей). Поскольку основная часть данных по особенностям детско-родительских отношений в обеих группах не имеет статистически значимых различий для описания средних значений, мы не давали описания по группам. Тем не менее, существуют определенные различия в восприятии детьми своих отношений с родителями в группе учащихся школы с театральной студией и учащихся общеобразовательной школы.

Таблица 5. Сравнительный анализ средних значений показателей по шкалам ДРОП

Шкала	Родители учащихся школы с театральной студией	Родители учащихся общеобразовательной школы	Значение t-критерия
Эмоциональная дистанция (оценка ребенком матери)	22,63	23,4	-2,49
Контроль (оценка ребенком матери)	22,34	20,8	2,22
Авторитарность (оценка ребенком матери)	17,54	15,97	3,23
Непоследовательность родителя (оценка ребенком матери)	16,57	15,6	2,4
Враждебность по отношению к супругу (оценка ребенком матери)	7,14	6,57	2,02
Принятие (оценка ребенком отца)	23,71	23,09	2,26
Контроль (оценка ребенком отца)	22,23	20,74	2,00

Учащиеся школы с театральной студией видят своих родителей принимающими, эмоционально близкими, последовательными в своих действиях, но, с другой стороны в большей степени контролирующими, в отличие учащихся общеобразовательных школ. Кроме того, матери учащихся школы с театральной студией оцениваются как авторитарные и недружелюбные (скорее подавляющие) по отношению к своему супругу. В целом, это совпадает тем, каким видят свое воспитательное воздействие родители. По результатам качественного анализа данных можно сказать, что с одной стороны, эмоционально близкие, а с другой стороны контролирующие отношения родителя с ребенком, соответственно, постоянное участие родителей в его жизни связано с тем, что такой ребенок в ситуациях оценки другими испытывает амбивалентные чувства. Для него это некая азартная игра, по окончании которой он все равно будет принят своими родителями, готовыми его поддержать и проконтролировать его дальнейшие успехи и достижения. Для подростков с *большой* дистанцией в отношениях с родителями ситуация оценки другими связана с негативными переживаниями. Вероятно, они, чувствуя некоторую отгороженность в семье по отношению к себе, ожидают отрицательных оценок по отношению к себе и со стороны окружающих.

Кроме качественного анализа данных взаимосвязи семейного воспитания и эмоциональных состояний в ситуациях оценки другими нами был проведен статистический анализ полученных результатов.

Путем кластерного анализа нами было выделено две группы признаков, характеризующих эмоциональные состояния и связанные с ними особенности семейных отношений.

1. Позитивные переживания подростка в ситуациях оценки другими. Данный кластер объединил в себе позитивные эмоциональные состояния в и ситуациях оценки другими, представления подростка об отношении родителей к нему, ведущие к конструктивному взаимодействию в семье и социальном окружении (при соответствующих высоких показателях, что мы можем видеть по результатам, описанным выше). К таким аспектам семейных отношений относятся: эмпатия, удовлетворенность отношениями подростка с родителями, принятие родителями ребенка, поощрение его автономности, удовлетворение потребностей ребенка, доброжелательность в отношениях между супругами, сотрудничество, оказание поощрений, контроль и мониторинг. Также в этот кластер вошла такая характеристика личности подростка как направленность на общение.

2. Негативные переживания подростка в ситуациях оценки другими

Этот кластер объединил в себе негативные переживания подростка в ситуациях оценки другими, а также особенности отношений с родителями, которые могут привести к деструктивному взаимодействию в семье и социальном окружении: конфликтность, враждебность по отношению к супругу, реализация наказаний, тревожность. В этот кластер также вошли направленность на дело и направленность на себя.

Таким образом, гармоничные отношения в семье способствуют направленности ребенка на общение, и, скорее всего, развитию у него умения устанавливать конструктивные и близкие взаимоотношения с людьми, и соответственно чувствовать себя более уверенным в ситуациях оценки другими людьми. Напротив, отчужденные или конфликтные отношения в семье влекут за собой направленность ребенка на деятельность и свои собственные переживания, склонность к самоанализу, а также то, что в ситуациях оценки другими он будет скорее испытывать негативные эмоциональные состояния.

Мы провели кластерный анализ для двух групп учащихся по отдельности и выделили идентичные по содержательной наполненности кластеры, совпадающие с общими. Таким образом, несмотря на различия в особенностях обучения, группы получились однородными по характеру взаимосвязи между особенностями семейного воспитания и эмоциональными состояниями в ситуациях оценки другими.

Для конкретизации взаимосвязей особенностей семейного воспитания подростка и его эмоциональных состояний в ситуациях оценки другими нами был использован корреляционный анализ. На его основании можно сделать следующие выводы. Подросток, считающий себя принятым матерью, в ситуациях оценки другими склонен испытывать радостное возбуждение. Это может быть интерпретировано как некая базовая уверенность в том, что другие люди его воспримут позитивно, так же как и мать, что согласуется с рядом известных научных положений, например психоаналитических.

Симбиотическая связь матери и ребенка продуцирует ощущение беспокойства ребенка в ситуациях оценки другими людьми, поскольку в такие моменты он чувствует отделенность себя от матери, некоторую незащищенность и потерянность.

Авторитарность матери может привести к тому, что ребенок в ситуациях оценки другими чувствует упоение чувством риска, азарт, переживает острые ощущения. Возможно, в таких ситуациях ребенок чувствует некоторую свободу, пространство для самостоятельных действий. В повседневных ситуациях он ощущает постоянный контроль, несвободу и его ощущение самого себя притупляется и поэтому, чтобы почувствовать себя, ему необходимы определенные эмоциональные встряски, от которых он получает удовольствие.

Неуверенность матери в методах воспитания приводит к тревожности и неуверенности в себе ребенка в ситуациях оценки другими. Поскольку во взаимоотношениях не выработано четких норм и правил, ребенок не знает, какое его действие к каким последствиям приведет, это переносится и на его отношения с другими людьми, повышая тревожность и нестабильность эмоциональных состояний в ситуациях оценки другими людьми.

Излишняя инфантилизация матерью ребенка, ее неверие в его успешность приводит к внутренней скованности ребенка, боязни

раскрытия своего потенциала, возможно, к выученной беспомощности в ситуациях оценки другими людьми.

Требовательность отца по отношению к ребенку связана с ощущением беспокойства подростка в ситуациях оценки другими людьми. Подросток как бы видит перед собой высокую планку достижений, поставленную отцом. Он не уверен, сможет ли достигнуть ожидаемых от него результатов, что увеличивает его тревогу в ситуациях оценки другими, т.к. кроме негативных оценок с их стороны он не оправдает надежд, возложенных на него отцом. Заинтересованность отца в делах и планах ребенка, высокая оценка им интеллектуальных и творческих способности ребенка, поощрение отцом инициативы и самостоятельности ребенка влечет за собой меньшее чувство удовлетворения у ребенка, когда им восхищаются другие люди. Таким образом, позитивная оценка отцом способностей своего ребенка перекрывает значимость для подростка оценок других людей.

Таким образом, результаты нашего исследования доказывают предположение о том, что особенности отношений подростка с родителями взаимосвязаны с его эмоциональными состояниями в ситуациях оценки другими.

Литература:

1. Гозман Л.Я. Психология эмоциональных отношений. М., 1987
2. Мясищев В.Н. Психология отношений. М.; Воронеж, 1998.
3. Обозов Н.Н. Межличностные отношения. Л., 1979
4. Хухлаева О.В. Психология подростка. М., 2004
5. Шнейдер Л.Б. Психология семейных отношений. М, 2000
6. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В. Психология и психотерапия семьи. СПб, 1999

ПЕРЕЖИВАНИЕ КРИЗИСА СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ БРАКА

В нашей статье предпринята попытка анализа переживания кризиса семейных отношений на разных этапах брака у женщин. В этих переживаниях находит интегральное выражение особая психологическая реальность – субъективный образ семьи, существующий не только на когнитивном и образно-эмоциональном уровнях. Если говорить о структуре субъективного образа семьи, то в него включаются такие компоненты как образ Я – система представлений и отношений человека о себе и ко всему, что он считает своим, образы близких и дальних членов семьи, образ семьи в целом и ее психологическое время. Содержательное наполнение субъективного образа семьи связано с переживанием общечеловеческих ценностей, связей с окружающим миром и экзистенциальных данностей, а также с такой глубинной характеристикой как онтологическая уверенность/неуверенность [1,2,3]. Таким образом, переживание семейных кризисов соотносится с важнейшими сферами существования семьи: осмысление ее внутренних связей и отношений, обеспечение глубинного чувства онтологической уверенности или неуверенности в семейной жизни.

Результаты исследования, которое было завершено нами в июне 2009 года, связаны с выделением психологической структуры переживаний, относящихся к нормативным кризисам, связанным с закономерностями жизненного цикла семьи. Первая группа испытуемых была сформирована в соответствии с нормативным кризисом первого года жизни, который представляет собой переломный момент в жизни супругов. Преодоление этого кризиса может говорить о дальнейшей жизнеспособности семьи. В состав данной группы вошли женщины, состоящие в браке от 6 месяцев до 1,5 лет, в количестве 25 человек. Вторая группа относилась к периоду второго нормативного кризиса - это рождение ребенка или принятие семейных обязанностей: в состав данной группы вошли женщины, находящиеся в браке и имеющие ребенка возрастом до 1 года, в количестве 32 человек. Последняя группа была сформирована в соответствии с кризисом, который связан со вступлением ребенка в подростковый период, и осложнен тем, что в большинстве семей в этот период наступает кризис середины жизни. В третью группу вошли женщины, состоящие в браке и имеющие детей подросткового возраста (12-16 лет), в количестве 14 человек. В ходе анализа полученных результатов, мы учитывали тот факт, что кризис не всегда несет в себе негативный смысл и его конструктивное преодоление дает человеку ресурс для дальнейшего личностного роста.

Проводимое нами исследование включало в себя несколько этапов, *первым* из которых явилось проведение анкетного опроса, который позволил уточнить социально-демографические характеристики участниц

исследования, установить наличие связи восприятия собственной семейной жизни с образом родительской семьи, а также выявить мифологических персонажей, ассоциирующихся у женщин с образом мужа. *На втором этапе* исследования проводилось выявление особенностей субъективного восприятия кризиса семейных отношений на разных этапах брака: с помощью методики свободных определений изучалось понятие «кризис семейных отношений». Обработка результатов с помощью контент-анализа позволила выделить наиболее часто встречающиеся определения данного понятия, которые были использованы впоследствии как одна из групп объектов оценивания в цветовом тесте отношений. При этом с помощью расчета коэффициента суммарного отклонения от аутогенной нормы выявлялись те объекты семейных отношений, которые вызывают повышенный уровень нервно-психического напряжения у испытуемых. *На третьем этапе* исследования нами были факторизованы оценки суммарного отклонения, а по результатам этой процедуры – реконструированы семантические пространства, отражающие эмоциональный образ семейных отношений во всех трех группах испытуемых. *На четвертом этапе* для оценки семейной временной перспективы нами была использован модифицированный вариант методики «Оценивание пятилетних интервалов» (ОПИ) А.А. Кроника применительно к перспективам брака, которая позволяет оценить насыщенность семейной жизни значимыми событиями. Применение этой методики позволило оценить прогнозируемую продолжительность жизни семьи, сравнить прогнозируемую насыщенность пятилетий семейной жизни и оценить с этой точки зрения, реально прожитые годы.

Перейдем к рассмотрению психологической структуры переживания кризиса, которая включает когнитивный, аффективный и регуляторный компоненты, а также представления о временной перспективе брака.

Когнитивный компонент переживания раскрывается через осмысление причин, побуждающих семейный кризис, а также представления о стратегиях его преодоления. Ведущей причиной кризиса семейных отношений является: в молодых семьях - рассогласование семейных ценностей; в семьях с появлением ребенка – проблема в сфере семейного общения; в семьях с большим стажем - понимание кризиса как возможность позитивных изменений. *Для молодых семей* характерно преобладание неконструктивных стратегий преодоления кризиса, таких как коммуникативный «уход», мысли о разрыве; конструктивные стратегии включают позитивную переоценку семейных отношений, понимание трудностей как временных, преходящих. *Для семей с маленьким ребенком* характерно аналогичное содержание неконструктивных стратегий, но с изменением их субъективной значимости: на первое место выходит стратегия разрыва отношений, коммуникативный «уход», «негативная переоценка семейной жизни», позитивные стратегии остаются без изменений, при этом уменьшается число женщин, которые склонны к ним обращаться. *Для семей с ребенком-*

подростком преобладают конструктивные стратегии: «позитивная переоценка семейной жизни», осознание временного характера трудностей. Изменение ведущих стратегий преодоления проходит через следующие этапы: значимость неконструктивных стратегий возрастает при переходе от первого нормативного кризиса ко второму, где является максимальной и уменьшается на уровне третьего, где преобладает значимость конструктивных стратегий.

Аффективный компонент переживания кризиса отражает эмоциональный аспект отношения к проблемам, возникающим в браке, при этом значимые объекты семейных отношений дифференцируются женщинами по уровню психологической комфортности (см. таблицу 1).

Таблица 1. Результаты ранжирования значимых объектов семейных отношений *

1 группа	СО	2 группа	СО	3 группа	СО
Ссора	32	Одиночество	32	Вина	32
Печаль	32	Равнодушие	32	Измена	31
Отвращение	31	Разочарование	32	Стыд	31
Страх	31	Однообразие	31	Алкоголизм	30
Алкоголизм	30	Разногласие	31	Однообразие	30
Презрение	30	Молчание	30	Презрение	30
Разочарование	30	Печаль	30	Разочарование	30
Развод	29	Презрение	30	Равнодушие	28
Стыд	29	Вина	30	Развод	26
Одиночество	27	Развод	29	Мать	25
Однообразие	27	Страх	29	Печаль	25
Равнодушие	27	Отвращение	28	Разногласие	25
Молчание	26	Ссора	28	Быт	24
Гнев	26	Усталость	27	Одиночество	24
Разногласие	24	Гнев	26	Отвращение	24
Вина	23	Измена	26	Ссора	24
Измена	23	Стыд	24	Усталость	24
Быт	22	Алкоголизм	23	Страх	23
Усталость	21	Быт	22	Молчание	21
Работа	16	Прошлое	21	Компромисс	20
Отец	15	Компромисс	19	Я-прошлое	20
Терпение	15	Я-прошлое	19	Семья моих родителей	19
Доверие	14	Работа	18	Будущее	18
Понимание	14	Терпение	17	Отец	18
Материальное положение	13	Уважение	16	Терпение	18
Я-прошлое	13	Доверие	14	Доверие	17
Мой ребенок (мой будущий ребенок)	12	Мой дом	14	Мой муж	17
Мой дом	12	Отец	14	Понимание	17
Секс	12	Материальное положение	13	Гнев	16

1 группа	СО	2 группа	СО	3 группа	СО
Семья моих родителей	12	Семья моих родителей	13	Я-будущее	16
Уважение	12	Настоящее	12	Мой ребенок	14
Будущее	11	Понимание	12	Работа	13
Компромисс	11	Я	12	Уважение	13
Поддержка	11	Поддержка	11	Мой дом	13
Прошлое	11	Удивление	11	Моя семья	12
Мать	10	Любовь	9	Настоящее	12
Моя семья	10	Будущее	8	Поддержка	12
Удивление	10	Я-будущее	8	Прошлое	12
Я-будущее	9	Радость	7	Удивление	12
Любовь	8	Интерес	6	Интерес	11
Мой муж	8	Мать	6	Материальное положение	11
Радость	8	Мой муж	6	Любовь	10
Настоящее	7	Мой ребенок	6	Я	9
Я	7	Моя семья	6	Радость	8
Интерес	6	Секс	5	Секс	5

***Примечание:** выделенные значения соответствуют повышенному уровню нервно-психической напряженности [4]

Количество понятий, вызывающих повышенный уровень нервно-психического напряжения растет с увеличением стажа семейной жизни и осознанием временной перспективы: в первой группе – 20 понятий, во второй – 25, в третьей – 30. Перечислим инвариантные понятия, вызывающие наиболее высокий уровень нервно-психического напряжения в сфере семейных отношений. Ими являются: глобальные изменения семейных отношений (развод, измена), проблемы в семейной коммуникации (ссора, разногласие, молчание), духовные мета-патологии (разочарование, одиночество, равнодушие); на этапе второго нормативного кризиса к ним добавляются такие понятия как «прошлое» и «Я-прошлое», а также понятия, связанные с семейным общением (терпение, уважение, компромисс); на третьем этапе; на третьем этапе добавляются понятия Я-будущее, будущее, мой муж, семья моих родителей, такие семейные ценности как понимание и доверие. Психологически комфортными понятиями, отношение к которым проходит через три кризиса без изменений, являются «моя семья», «любовь», «дом», «материальное положение», «быт», «поддержка»; глубокие переживания всех трех группах связаны с понятием «алкоголизм», которое не указывалось в качестве главных причин кризиса семейных отношений. Результаты анализа субъективных семантических пространств семейных отношений отражают во всех трех группах постепенную деидеализацию образа родительской семьи; разотождествление Я-образа женщин с образом матери; отстранение от понятия «быт»; субъективную дифференциацию понятий «любовь» и «секс» на третьем этапе брака. Во всех трех группах отмечается положительная эмоциональная окраска в перспективе

будущего таких понятий как «мой муж», «мой ребенок», «моя семья», «поддержка», «уважение».

Регуляторный компонент переживания кризиса представлен ценностями семейных отношений, включает образ мужа и ориентацию на семью родителей. Образ мужа претерпевает изменения по мере получения опыта семейной жизни: происходит отхождение от идеального образа для мужа – образа отца испытуемых и осознание неповторимости и ценности их собственных мужей. Наиболее противоречивое отношение к образу супруга – у женщин, находящихся на втором этапе нормативного семейного кризиса. Мифологическое восприятие образа супруга во всех трех группах является сходным. Результаты ранжирования ответов по частоте показали, что на первом месте одновременно находятся образы «Принца» и «Винни-Пуха», что указывает с одной стороны на наличие традиционных женских стереотипов, с другой - на материнское отношение к супругу. Степень ориентации на родительскую семью также претерпевает изменения от идеала и примера для подражания, через постепенную сепарацию и переоценку, к полному осознанию самобытности собственной семьи и уникальности пути ее развития. На разных этапах брака у женщин несколько меняются ведущие семейные ценности: на 1 этапе – надежность, стабильность, постоянство; на 2-ом – поддержка, тыл, опора; на 3-ем - ведущей ценностью является ответственность.

Временная перспектива семейных отношений отражает перспективу брака, событийную насыщенность семейной жизни. Сходно оценивается как наиболее полная событийная насыщенность в жизни семьи на этапе первых пяти лет; всеми группами отмечается снижение событийной насыщенности в период 10-15 лет совместной жизни, что указывает на сложности кризиса середины жизни и вступления детей в подростковый период; последним наиболее событийно насыщенным периодом является 20-25 лет совместной жизни. Отмечается сокращение временной перспективы брака у женщин находящихся от 1 к 3 этапу, что свидетельствует о «психологической цене» сохранения семейных отношений.

Таким образом, проведенное нами исследование показало, как опыт семейной жизни изменяет понимание и значимость субъективных причин и стратегий преодоления кризиса семейных отношений. Было показано изменение эмоционального образа семейных отношений и осознания временной перспективы брака. Мы полагаем, что эти результаты окажутся информативными для психологической работы с современными российскими семьями. Хотелось бы обратить внимание на то, что некоторые результаты нашего исследования, несколько противоречат часто встречающимся в настоящее время сетованиям на разрушение семейных ценностей: на разных этапах брака, и в перспективе будущего - у женщин поддерживается положительный эмоциональный образ семьи, а ведущие семейные ценности отражают ориентацию на ее стабильность.

Тем не менее, полученные результаты нуждаются в дальнейшем подтверждении, и в первую очередь, в исследовании переживания кризисных ситуаций семьей в целом, в соотношении жизни семьи с более широким социальным контекстом.

Литература:

1. Лэнг Р. Д. Расколотое «Я»: пер. с англ. - СПб.: Белый Кролик. 1995. - 352 с.
2. Осухова Н.Г. психологическая помощь в трудных и экстремальных ситуациях – М. , 2005.- 288с.
3. Столин В.В., Наминач А.П. Психологическое строение образа мира и проблемы нового мышления.// Вопросы психологии. - 1988. - № 4. - С. 34-46.
4. Тимофеев В.И., Филимоненко Ю.И. Цветовой тест М. Люшера (стандартизированный вариант). Методическое руководство. – СПб, 2001. – 32 с.

СЕМЕЙНОЕ ЗАБВЕНИЕ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Изучение строения генеалогических деревьев неизменно сталкивает исследователя с феноменом семейного забвения, с фигурами тех, некогда полноправных членов семейного сообщества, память о которых утрачена. Родовая память утрачивает имена, даты и факты жизни, а помнит лишь то, что некий человек был рожден, либо был чьим-то супругом или партнером. В связи с этим возникает несколько вопросов. Первая группа вопросов связана со структурными характеристиками родового союза: кто эти неидентифицированные члены семейного рода - преимущественно мужчины или женщины; в какой семейной позиции они упоминаются - детской, родительской, либо супружеской; в каких sibлинговых позициях они преимущественно находятся; которому поколению семейного древа принадлежат.

Другая группа вопросов – вопросы, связанные с психологическими механизмами забывания. Это вопросы о том, является ли феномен забывания «чистым» феноменом памяти и прямо зависит от давности событий, либо речь идет о работе защитных механизмов подавления и отрицания. Являются ли механизмы «забывания» индивидуальными или групповыми семейными феноменами, и в каком смысловом отношении они находятся с описанными В.Сатир «скрытыми семейными правилами» - умолчаниями [3]. М. Боуэн описывает феномены эмоционального отщепления, дистанцирования и отрыва, как ответ на высокий уровень эмоционального напряжения, конфликтности и тревоги в семейных отношениях [4]. Близкое понимание феномена семейного забвения характерно для Б. Хеллингера, который полагает, что каждый член семьи, независимо от того, как он прожил свою жизнь и какие поступки совершил, имеет право на место в семейной системе, и если он лишается этого места, то семья утрачивает свою целостность и психическое здоровье. Чтобы восстановить утраченное, необходимо вернуть забытого члена в семейную, родовую память [5]. Таким образом, если следовать психоаналитической традиции, то можно считать наличие феномена неидентифицированных членов генеалогического древа признаком работы защитных механизмов, в таком случае он должен быть связан с другими признаками социального и психологического неблагополучия родового союза – психосоматическим индексом и индексом семейной дезинтеграции.

Эмпирические данные, представленные в данной статье, получены на основе анализа 22 генеалогических графов, состоящих из 6-ти поколений, и сопровождающих их текстов-повествований.

Респонденту предлагалась следующая инструкция: «С помощью представленных условных обозначений нарисуйте генеалогическое древо семьи в 4-х и более поколениях с обозначением имен, дат жизни, линий

брака (и других форм партнерства), рожденных детей (включая случаи младенческой смерти). Пронумеруйте всех членов генеалогического древа слева направо по горизонталям – поколенческим строкам, начиная со старшего рода. На отдельном листе в столбик выпишите номера, соответствующие каждому члену древа и укажите наиболее важную информацию о его жизни: семейных характеристиках, здоровье, профессии, миграциях, жизненных успехах и неудачах.»

Общая численность выборки составила 1790 человек, средний хронологический возраст графа – 127,8 года. По способу получения, данный вид материала можно определить как повествование коллективного семейного субъекта. Содержанием повествования является сообщение о жизни родового союза (многопоколенческого семейного организма) в определенном историческом и социальном контексте. Представленная информация собрана на основе переговоров, опросов и консультаций каждого из 22 респондентов с широким кругом родных.

Как всякое повествование (нарратив), данный вид повествования опирается на действительность (реальность), которая подвергается субъективным искажениями и селективному отбору, и становится текстом (мифом), который структурирует семейные представления членов родового союза. Следовательно, часть информации о фактах человеческой жизни (рождениях, браках, смерти, миграционной траектории и др.) можно считать объективной, другую – информацию о том кому из членов семейного рода уделено большее или меньшее внимание, что и как говорится о каждом, можно считать субъективной. Именно в ней проявляются механизмы селективной избирательности семейной памяти. Из сказанного следует, что к данному эмпирическому материалу можно применить как объективные виды анализа – частотный фактологический анализ, так и субъективные виды анализа, нарративный подход к анализу текстов-повествований. В данной статье представлены преимущественно данные объективного частотного и корреляционного видов анализа.

В таблицах № 1-3 представлены результаты дескриптивного анализа эмпирических данных. В качестве показателей использовались 3 группы данных. Первую таблицу составили признаки, характеризующие феномен семейного забвения количественно: 1- общее количество членов генеалогического графа; 2 – численность тех, о ком нет никакой информации, кроме голого факта их существования и места в генеалогическом графе; 3 - численность тех, чьи имена и даты жизни известны, но остались неизвестными их судьбы; 4 – суммарный показатель численности неидентифицированных членов древа, 5 - общая численность мужчин; 6 – общая численность женщин; 7 - относительная численность неидентифицированных членов к общему количеству людей, отображенных в генеалогическом графе, показатель, который в наиболее явном виде отражает исследуемых феномен семейного забвения.

Таблицы 2 и 3 составили поколенческие показатели абсолютной и относительной численности неидентифицированных членов семейного

рода. Данная группа показателей была выделена на основе предположения о том, что сильные социальные стрессоры, связанные с кризисными периодами жизни страны (революция, вторая мировая война), приводят к длительным разлукам, гибели, утрате семьей своей целостности, что неминуемо будет проявляться в увеличении количества неидентифицированных членов в соответствующих поколениях генеалогического древа

Таблицу 4 составили показатели, отражающие тип родственной связи, благодаря которой «неизвестный» включен в целостную генеалогическую структуру. Очевидно, что каждый член семьи связан с другими множественными родственными связями, одновременно он может быть мужем, отцом, братом, дедом, дядей и т.д. Мы исходили из представления о том, что первичными во времени и эмоционально наиболее емкими и конфликтными являются два вида родственных связей в нуклеарной семье: супружеская и родительская; и кросспариентальные связи с родителями мужа и жены в расширенной семье. Именно в данных типах отношений возникает наиболее сильный негативизм, отвержение, стыд и стремление умолчания и, следовательно, именно они должны нести на себе следы работы механизмов подавления и отрицания, что и проявится в степени выраженности феномена семейного забвения. Исходя из вышесказанного, для анализа были выделены следующие типы родственных позиций: муж; жена; сын; дочь; муж дочери (зять); жена сына (невестка); разведенный («бывший муж»); разведенная («бывшая жена»); партнер в незарегистрированном браке; ребенок от расторгнутого (юридического или незарегистрированного) брака. Таким образом, для каждого «забытого» члена графа была определена его родственная позиция в генеалогическом древе, детерминирующим в определении позиции был фактор первичности, т.е. та позиция, в которой данный человек появился в генеалогическом древе впервые.

Таблица 1. Общая и относительная численность «забытых» членов генеалогического графа

№	Показатели	среднее	ст. откл.
1	Количественный состав генеалогического графа	81,36364	42,70112
2	Кол-во полностью неидентифицированных членов рода	11,36364	10,71957
3	Кол-во частично неидентифицированных чл.рода	13,13636	10,32932
4	Общая численность неидентифицированных членов	24,45455	16,44537
5	Численность неидентифицированных мужчин	13,40909	10,15433
6	Численность неидентифицированных женщин	11,04545	7,09445
7	Относительная численность неидентифицированных членов	0,30545	0,12997

Результаты, представленные в таблице 1, позволяют судить о средней численности семейного рода, сохраняющегося в семейной памяти. Родовой союз насчитывает по данным, полученным на нашей ограниченной выборке, от 185 до 31 человека со средним значением 81,36.

Представляется, что это значительная по численности группа людей, с которыми респондента связывают различные по эмоциональному знаку отношения. Важно упомянуть, что судьбы живых и умерших членов родового союза составляют основу миропонимания живущих членов, поскольку «семейные истории» составляют наименее искаженную социальными стереотипами информацию о жизни человека. Через эти истории живущие в наиболее истинном значении узнают о том, что может произойти с человеком и какие пути он выбирает, чтобы справиться со своими сложностями. Сам факт собирания этих историй в «копилку» семейной памяти отражает потребность в лучшем понимании жизни и причастности к ней. Таким образом, численность родового союза, в определенной мере отражает объем жизненного опыта родового сообщества.

Данные таблицы 1 также говорят о том, что можно выделить два уровня (круга) «забвения» - полное и частичное, можно предположить, что, поскольку существуют ограничения объема памяти, через 1-2 поколения те, кто попал в дальний круг забвения, исчезнут из семейной памяти, а те, кто попал в ближний круг – займут их место. Родовая память кристаллизует структуру родового союза, оставляя в ней наиболее значительных представителей, к ним наиболее часто относятся именитые прародители, их жены с богатым репродуктивным потенциалом, «герои» - те, кто предпринимал серьезные действия для спасения себя и своих родных (снимался с места в поисках безопасности, либо работы), «жертвы» - люди, трагически погибшие из-за внешних обстоятельств, «бедолаги», люди, не справившиеся с жизнью, и «злодеи», те, кто причинил членам союза умышленное зло. Содержание семейной истории первых двух-трех поколений начинает тяготеть к структуре мифа.

Относительная численность тех, кто входит в оба круга забвения, составляет одну треть от общего количества членов родового союза, однако отдельные генеалогические графы существенно различаются по этому признаку. В некоторых из них неидентифицированными остаются до половины всех членов, в других – только 10% общей численности. Определенно можно говорить о серьезных типологических различиях генеалогических структур.

Можно также с уверенностью утверждать, что существует большая для мужчин вероятность попасть в круги «забвения». О причинах данного явления можно судить предположительно и их может быть несколько. Мужчины являются наиболее активно мигрирующими членами родового союза, «охота к перемене мест» и готовность к миграции короткой, средней и дальней дистанции является одной из характерных черт мужского стиля жизни. Отдаленность в пространстве от ядра (ядер) родового союза неминуемо приводит к снижению интенсивности контактов, утрате связей и забыванию. Другая причина может состоять в том, что мужчины более часто демонстрируют девиантные, социопатические формы поведения и исключаются из родовой памяти

именно по этим причинам, вследствие работы защитных механизмов подавления и отрицания.

Результаты таблицы 2 позволяют приблизиться к ответу на вопрос о влиянии времени на процессы забывания. Они говорят о том, что временная удаленность событий и действующих лиц не влияют на процессы забывания.

Таблица 2. Численность «забытых» членов в 6-ти поколениях генеалогического графа

№	Численность неидентифицированных членов в 6 поколениях	среднее	ст. откл.
1	в 1-ом поколении (1870-1895гг.)	1,27273	2,3131
2	во 2-ом поколении (1895-1920 гражданская война)	3,68182	4,42274
3	в 3-ем поколении (1920-1945 2-ая мировая война)	5,31818	5,36644
4	в 4-ом поколении 1945-1970 гг.	5,72727	5,72531
5	в 5-ом поколении 1970-1995 гг.	5,31818	5,62635
6	в 6-ом поколении 1995-2010 гг.	3,22727	3,67659

Наименьшая численность забытых – в первом поколении, а наибольшая – в 4-ом военном и послевоенном поколении. Можно было бы предположить, что родовая память не сохраняет имен погибших, но это абсолютно не соответствует действительности. Имена погибших во время Великой Отечественной войны указываются постоянно, указываются не только предположительное время и место гибели без вести пропавших, но также даты последних писем, пришедших от них.

Количество «забытых» в третьем и пятом поколениях практически равно, тогда как социальный контекст жизни двух этих поколений диаметрально противоположный. Сходство состоит в том, что оба они составлены из людей, чьи семьи прошли через большие человеческие потери и социальные стрессы. Второе поколение составляют люди, пережившие политические репрессии, раскулачивание, вынужденные переселения, эти фигуры героизируются и их судьбы составляют основное содержание семейного мифа.

Шестое поколение – это поколение детей и подростков. Незнание их имен, дат рождения и мест учебы и проживания свидетельствует об утрате родственных контактов. Мнение о том, что современная семья утрачивает родственные связи и по структуре тяготеет к нуклеарной форме, является широко распространенным [1], результаты данной работы также представляют аргументы и в пользу этой точки зрения.

Необходимо признать, что количество членов генеалогического древа, вычисленное математически составляет цифру на порядки большую самого многочисленного из наших «деревьев» (генеалогический парадокс счета, согласно которому, количество родственников в каждом предшествующем поколении должно возрастать в геометрической прогрессии [2]). Этот факт заставляет признать, что «кругов» семейного забвения намного больше, чем два.

В целом, на основе анализа средних, можно было бы говорить о наметившихся признаках отрицательной динамики забвения. Однако подсчет отношения численности людей в каждом поколении к числу забытых дает основание сделать иные выводы (см. таблицу 3).

Таблица 3. Относительная численность забытых в 6-ти поколениях генеалогического графа

№	поколения	Средняя численность	Среднее кол-во неидент. членов	Коэффициент «забвения»
1	1 поколение	5,272727	1,27273	0,24
2	2 поколение	14,09091	3,68182	0,26
3	3 поколение	21,04545	5,31818	0,25
4	4 поколение	21,09091	5,72727	0,27
5	5 поколение	15,18182	5,31818	0,35
6	6 поколение	3,727273	3,22727	0,86

Абсолютная численность людей в 1- 4 поколениях неуклонно растет, а в 5-ом поколении, которое представлено взрослыми людьми в репродуктивном возрасте – начинает падать, что совпадает с процессами депопуляции населения России. Относительное число неидентифицированных членов рода - показатель, который назван «коэффициентом забвения», продолжает увеличиваться. Неизвестными становятся дети, рожденные двоюродными и троюродными братьями и сестрами, что также подтверждает представления о разворачивающихся на протяжении 20 века процессах дезинтеграции родового сообщества.

Данные таблицы 4 представляют неожиданные результаты. Несмотря на широко распространенное мнение о наибольшей значимости в системе семейных отношений детско-родительских отношений, именно в этой ролевой позиции обнаруживается наибольшее число «неизвестных». Количество безвестных сыновей и дочерей положительно коррелирует с репродуктивным индексом, полученным, как отношение общей численности членов генеалогического графа к числу рождений (0,62 и 0,42, соответственно). Можно говорить о том, что в первую треть 20 века, когда репродукция для большинства населения имела неконтролируемый биологический характер, детско-родительские отношения не имели того значения, которое они приобрели в настоящее время. Однако численность забытых сыновей и дочерей в послевоенных поколениях также значительна. Родовая память в равной мере не сохраняет информации о судьбах старших, средних или младших, так, что сиблинговая позиция не влияет на процессы забвения.

«Безвестные» жены при мужьях и «безвестные» мужья при женах составляют значительную часть «забытых» первого поколения. Третью и 4-ую по численности группу составляют примкнувшие к семье брачные партнеры дочерей и сыновей (зятья и невестки) и разведенные мужья и жены, и 5-ую группу составляют партнеры, состоящие в незарегистрированном браке и дети от расторгнутых зарегистрированных,

либо незарегистрированных браков. В каждой из групп, исключая первую супружескую, численность мужчин превышает численность женщин. В целом можно говорить о том, супружество/партнерство, как один из видов семейных взаимоотношений обладает достаточно низкой степенью устойчивости (слабой валентностью) и информация о человеке в этой позиции утрачивается из семейной памяти достаточно легко.

Таблица 4. Численность «забытых» членов генеалогического графа в различных ролевых позициях семейной системы

№	Ролевые позиции в семейной системе	средние	ст. откл
1	Муж	1,59091	2,03912
2	Жена	2,40909	2,71958
3	сын	6,04545	6,18352
4	дочь	4,72727	3,85674
5	Муж дочери (зять)	2,45455	3,33420
6	Жена сына (невестка)	1,72727	2,45302
7	Разведенный муж	1,59091	1,68068
8	Разведенная жена	1,13636	1,39029
9	Партнер (мужчина) в незарегистрированном браке	1,22727	1,41192
10	Партнер (женщина) в незарегистрированном браке	0,77273	1,34277
11	Сыновья и дочери от расторгнутых браков	0,86364	1,67034

Коэффициенты корреляции численности людей в разных ролевых позициях с количеством забытых в каждом из шести поколений (таблица 5) позволяют понять каков преимущественный ролевой состав забытых в каждом из поколений. Первое поколение, как уже сказано, представлено забытыми мужьями и женами, поскольку и само древо начинается с отображения фигур прародителей. Например, генеалогический граф может начинаться с фигуры мужчины, судьба которого известна, но что за женщина была его супругой, какова ее судьба или род деятельности, особенности характера, все это остается не упомянутым, не известным, не отображенным. Аналогичным образом, в паре прародителей может остаться неизвестным муж, в то время как фигура жены описана подробно. Численный состав забытых второго поколения неспецифичен. Третье поколение преимущественно представлено забытыми женами, сыновьями, дочерьми, невестками и гражданскими мужьями. В 4-ом поколении к этому перечню добавляются забытые зятья, а характерной чертой 5-го и 6-го поколений являются неизвестные дети от расторгнутых браков.

Начиная с 3-его поколения, действует интересная закономерность: количество забытых в 3-ем поколении и всех последующих попарно коррелируют между собой, таким образом, чем больше забытых в предыдущем поколении, тем больше их окажется в следующем. «Запущенный в ход» в послевоенном поколении (1945-1970 гг.) механизм эрозии родовой памяти начинает набирать обороты в последующих поколениях родового древа. И в предельном случае родовой союз может

утратить свою структурную целостность и будет стремиться к диффузному, атомарному состоянию.

Таблица 5. Коэффициенты корреляции численности людей в определенной родственной позиции с численностью забытых в каждом из 6-ти поколений

Родственные позиции	1 поколение	2 поколение	3 поколение	4 поколение	5 поколение	6 поколение
Муж	0,67	-	-	-	-	-
Жена	0,63	-	0,45	-	-	-
Сын	-	-	0,50	0,58	0,72	0,56
Дочь	-	-	0,70	0,73	0,63	-
Зять	-	-	-	0,68	0,73	-
Невестка	-	-	0,44	0,65	0,72	-
Разведенный муж	-	-	-	-	-	-
Разведенная жена	-	-	-	-	-	0,44
Гражданский муж	-	-	0,53	0,61	0,57	-
Гражданская жена	-	-	-	-	-	-
Дети от расторгнутых браков	-	-	-	-	0,47	0,42

В целях косвенной проверки гипотезы о работе психологических защит как основных механизмов, лежащих в основе процесса забывания был проведен корреляционный анализ данных. К исходной матрице сырых оценок были добавлены значения генеалогических индексов, характеризующих уровень социального, психологического и соматического «здоровья» каждого из 22 генеалогических графов. Индексы вычислены на основе подсчета частот упоминания в сопровождающих текстах соответствующей информации. Индекс семейной дезинтеграции - как отношение числа девиантных и отвергнутых членов семьи к общей численности указанных в графе членов; психосоматический индекс – как аналогичное отношений числа трагических смертей, младенческих смертей, количества больных и инвалидов; индекс социального благополучия - по количеству упомянутых случаев трудовой миграции, учебной активности и карьерных достижений. Не было получено ни одного значимого коэффициента корреляции между различными показателями численности забытых членов и значениями описанных индексов. Этот результат вынуждает признать, что феномен семейного забвения не может быть квалифицирован как результат проявления работы механизмов защиты, по крайней мере, на настоящем этапе исследования.

Подводя итог, можно сказать, что «было найдено не совсем то, что искалось, но то, что найдено – представляет большой интерес».

Что касается первой группы «структурных» вопросов, то можно сказать следующее. Численность неидентифицированных членов родового союза составляет примерно 30% от общего количества «тех, о ком помнят». В это число преимущественно попадают члены

«генеалогического древа» в ролевой позиции: сыновья, дочери, жены, зятя и невестки. Абсолютная численность мужчин, утративших связи с родовым союзом преобладает во всех поколениях и всех ролевых позициях. Относительная численность неидентифицированных членов возрастает от 1-го к 6-ому поколению, что заставляет признать тот факт, что семейное забвение не связано с фактором временной удаленности событий, а является результатом проявления общей тенденции утраты значимости родственных связей и семейной дезинтеграции. Значительную численность неидентифицированных членов 5-го и 6-го поколений составляют дети от расторгнутых браков, что удваивает для них общий уровень психической депривации, добавляя к родительской родственную депривацию. Начиная с 3-го поколения, появляется специфическая группа семейных изгоев, людей исключенных из семейных союзов и лишенных семейной и родственной поддержки, в первую очередь это бывшие мужья, бывшие жены и их дети, естественно, что именно они составляют особую группу риска социально-психологической дезадаптации и нуждаются в особых программах психологического сопровождения.

Попытка получить косвенные доказательства того, что семейное забвение является проявлением работы защитных механизмов подавления и отрицания, оказалась неудачной. На данном этапе исследования не получено ни одного значимого коэффициента корреляции связи эмпирических показателей семейного забвения с интегральными индексами социально-психологического благополучия/неблагополучия родового союза.

Литература:

1. Антонов А.И. Микросоциология семьи. М.: 2005
2. Русская генеалогия. Энциклопедический справочник /Под ред. Николаевой Б.А. Изд-во «Богородский печатник». М.: 1999.
3. Сатир В. Как строить себя и свою семью. М.: Педагогика-Пресс, 1992. – 192 с.
4. Теория семейных систем М. Боуэна: Основные понятия, методы и клиническая практика. М.: Когито-Центр, 2005. – 496 с.
5. Хеллингер Б. Порядки любви: Разрешение семейно-системных конфликтов и противоречий. – М.: 2003. – 400 с.

ВОЗМОЖНОСТИ АНИМЕТЕРАПИИ В КОНТЕКСТЕ ПСИХОЛОГИИ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Разнообразные методы арт-терапевтического характера, начиная с рисования цветными карандашами и заканчивая танцедвигательными практиками, часто применяются в диагностике и терапии семейной проблематики [2, 3]. Кинотерапия, которую традиционно относят к арт-методам, не составляет исключения из этого правила, несмотря на то, что из всех популярных арт-терапевтических направлений кинотерапевтическое, пожалуй, самое молодое. Изобретённое британским психологом Берни Вудером [1] около 15 лет назад, преподаваемое в европейских вузах с 2004 года, это искусство уже успело приобрести множество поклонников среди европейских, американских и даже российских специалистов. Кинотерапевтический метод традиционно применяется в двух режимах: индивидуальном и групповом. Цель данной статьи - описание возможностей кинотерапевтического метода на материале аниме (японской анимации) в контексте психологии семейных отношений.

Аниметерапевтический проект, который мы с коллегой создали в феврале 2009 года и начали воплощать в жизнь в сентябре 2009 года, основан на применении кинотерапевтических техник в индивидуальной и групповой работе с аниме-сериалами. По ряду причин, описанных в своё время ещё Я. Л. Морено [5], раскрытие тематики межличностных отношений, в том числе и отношений в семье, полнее удаётся в специально организованной группе, нежели при индивидуальной работе. Поэтому в данной статье я буду ориентироваться на описание того, каким образом аниметерапия позволяет работать с семейной проблематикой в группе.

Для начала следует уточнить содержание основных терминов. Аниме [4] - это разновидность японского анимационного искусства. В отличие от европейской и американской анимации, предназначенной в основном для детей младшего возраста, бóльшая часть выпускаемого аниме рассчитана на подростков и взрослых людей, и во многом за счёт этого имеет высокую популярность в мире. Аниме представлено в форме телевизионных сериалов, а также фильмов, распространяемых на видеоносителях или предназначенных для кинопоказа. Сюжеты могут описывать множество персонажей, отличаться разнообразием мест и эпох, жанров и стилей. Наиболее популярные аниме-сериалы за счёт высокой продолжительности демонстрируют динамику личностного развития своих персонажей, базирующуюся на физиологических, психических и социально-психологических изменениях. Отдельные аниме-сериалы насчитывают более 1000 серий. В решении нашей задачи, разумеется, использовался аниме-сериал значительно меньшей продолжительности, всего 26 серий приблизительно по 20 минут каждая.

Выбор в пользу аниме при организации проекта был сделан по следующим причинам:

1. Аниметерапия - это направление, которое на данный момент никак не применяется и не исследуется психологами и психотерапевтами. О связи психологии и аниме до сих пор приходится слышать исключительно в контексте феномена аниме-аддикции. Данный феномен, представляющий для нас некоторый интерес, не имеет, однако, отношения к описываемому проекту.
2. В силу специфики жанра аниме отличается двумя важными преимуществами, которые делают этот материал полезным для кинотерапии, а именно: яркостью и отчётливой дифференцированностью эмоций (что облегчает эмоциональную идентификацию с персонажами для людей с невысоким социальным и/или эмоциональным интеллектом) и богатством затрагиваемых тем (от бытовых до сложных экзистенциальных проблем).
3. Нам нравится аниме. Мы по собственному опыту знаем, что анализ содержащегося в нём материала может привести к значимым открытиям и даже изменениям в жизни зрителя. Мы хотим сделать терапевтические и обучающие ресурсы аниме доступными для других людей.

Выбор между отдельными фильмами и сериалом был сделан в пользу сериала по следующим причинам:

1. Наша жизнь значительно больше соответствует метафоре сериала, чем метафоре набора отдельных художественных фильмов. Несмотря на то, что в жизни мы сталкиваемся с разнообразными сюжетами, в этих сюжетах принимают участие одни и те же персонажи, встречаются одни и те же поведенческие паттерны, проявляются одни и те же ведущие темы. Поэтому, поставив перед собой цель помочь будущим участникам в исследовании их жизни в целом, а не отдельных её тем и моментов, мы выбрали сериал.
2. Любопытство по поводу того, как будут развиваться события в следующих сериях, создают дополнительную мотивацию посещения группы для участников (вспомним, как переживают наши пожилые родственники, пропустив один день в просмотре своего любимого сериала по телевизору!), тогда как при просмотре отдельных фильмов такой мотивации не возникает.

Приступая к первому этапу организации длительной аниметерапевтической работы с группой, мы постарались последовательно совершить шаги, предназначенные не просто для проверки того, можно ли в принципе применять тот или иной метод в работе с группой, но и для проверки эффективности метода. Работа группы над первым сериалом началась в октябре 2009 года и завершилась в декабре 2009 года. Помимо собственно еженедельных групповых сеансов аниметерапии с последующим обсуждением, мы дважды провели тестирование участников проекта с целью определения динамики их состояния в течение этих трёх

месяцев. Кроме того, мы измеряли некоторые параметры эмоционального состояния участников до и после каждой встречи. Подробное описание полученных диагностических результатов не имеет отношения к тематике данной статьи, но можно отметить, что по завершении итогового тестирования была выявлена положительная динамика уровня притязаний и рефлексивности участников. Выбор сериала осуществлялся нами на основе показателей первого тестирования. Для участников группы основными проблемами оказались: низкий уровень притязаний, высокая тревожность, проблемы с принятием решений, самоорганизацией и взаимоотношениями. Ориентируясь на этот набор, мы выбрали для просмотра и анализа сериал Neon Genesis Evangelion (NGE). Это аниме повествует о борьбе секретной организации Nerv с таинственными, агрессивно настроенными и опасными существами, называемыми "ангелами". Для борьбы организация использует специальных биомеханических роботов серии Evangelion (Eva), пилотировать которых могут только специально отобранные и подготовленные четырнадцатилетние подростки. Собственно говоря, эти пилоты, а также руководители Nerv, и являются главными героями аниме. В NGE неоднократно поднимаются проблемы выбора, самооценки, выстраивания отношений, свободы и зависимости, переживания тяжёлых эмоциональных состояний и др. В данном тексте мне представляется осмысленным сосредоточиться на описании распространённых паттернов семейных взаимоотношений, представленных в NGE. Идентификация участников группы с персонажами сериала и проживание соответствующих паттернов способствовали осознанию особенностей собственных взаимоотношений в семье (рефлексивный компонент), а также, по словам самих участников, повышению степени понимания семейных затруднений других людей (децентрация, усиление эмпатии).

В аниме-сериале Neon Genesis Evangelion представлено множество сценариев семейных отношений, которые переплетены друг с другом и оказывают влияние друг на друга. Для того чтобы анализировать целостную систему отношений, представленную в сериале, необходимо посмотреть и проанализировать его целиком, поэтому рассмотрим в качестве примера описание пяти сценариев, которые просматриваются в NGE наиболее чётко.

1. **Отвергаемый сын.** Икари Синдзи, центральный персонаж NGE, пилотирует биомеханического робота. Возраст: четырнадцать лет. Замкнут, робок, боязлив, имеет низкую самооценку. Родители Синдзи - учёные. Его отец, Икари Гендо, руководит проектом Evangelion. Мать, Икари Юи, погибла в результате неудачного эксперимента, когда Синдзи был совсем маленьким. Через некоторое время после смерти матери отец оставляет Синдзи на попечение учителя и уезжает, чтобы целиком посвятить себя работе над проектом. Когда Синдзи исполняется четырнадцать лет, отец распоряжается доставить его к себе. Разговаривая с сыном скорее как с кандидатом на должность,

Икари Гендо предлагает ему стать пилотом. Синдзи в нерешительности, ему не нравится ни отношение отца, ни смена обстановки, но вследствие необычного стечения обстоятельств он всё же соглашается. На протяжении всего сериала отец Синдзи демонстрирует эмоциональную холодность в отношениях с четырнадцатилетним сыном, который страдает от этого и разрывается между любовью и ненавистью к собственному отцу. Это противоречие переносится на отношения Синдзи с другими людьми. Одна из основных проблем, которая преследует Синдзи в межличностных отношениях, - противоречие между привязанностью к людям, которые ему нравятся, и свободой от обязательств перед ними.

2. **Отвергающая дочь.** Кацураги Мисато, офицер, глава оперативного отдела Nerv, привлекательная молодая женщина. Возраст: около тридцати лет. В начале сериала живёт в компании ручного пингвина, употребляет большое количество некрепкого алкоголя, безукоризненно выполняет служебные обязанности. Отец Мисато, учёный, с самого её рождения посвящает всё своё время работе. Её мать очень переживает по этому поводу. Мисато присоединяется к матери и злится на отца. Через некоторое время (возраст Мисато около двенадцати лет) её отец погибает, успев при этом спасти дочь. После этого Мисато долго не может оправиться от шока и ни с кем не разговаривает. Подростая Мисато поступает в вуз и там сближается с Акаги Рицуко, а также заводит роман с Рёдзи Кадзи, который очень похож на её отца. Осознав природу своего чувства к Кадзи, Мисато в ужасе порывает с ним, ничего не объясняя. Впоследствии судьба сталкивает её с Кадзи снова. Кадзи ведёт себя дружелюбно и донжуански, заигрывает с Рицуко и другими девушками, полушутливо предлагает Мисато возобновить отношения. Мисато сначала очень сердится, а потом находит в себе силы рассказать Кадзи о причинах разрыва, плачет и говорит, что любит его. На протяжении сериала Мисато регулярно задумывается о своих отношениях с отцом и их влиянии на её последующие отношения с мужчинами. Её преследует страх одиночества и потери любимых людей.
3. **Человек из ниоткуда.** Аянами Рэй, одна из главных персонажей, пилотирует биомеханического робота. Возраст: четырнадцать лет. Не имеет семьи, все данные о прошлом стёрты. На протяжении сериала очень заметно, что Рэй не знакомы никакие модели взаимоотношений в семье. Почти все эпизоды взаимодействия с людьми она выстраивает на рациональной основе и только в случае необходимости. Плохо ориентируется в отношениях и эмоциях. Единственный человек, к которому Рэй привязана и испытывает положительные эмоции, - отец Синдзи, Икари Гендо. Он также питает к Рэй нежные чувства, похожие на отцовские. Кроме того, в одной из серий зритель узнаёт, что некоторые черты Рэй напоминают черты покойной матери Синдзи, жены Гендо. Отношения между Икари Гендо и Рэй вызывают

недоумение и интерес Синдзи, который искренне не понимает, за что можно любить его отца. В одном эпизоде Рэй даже даёт Синдзи пощёчину, когда он нелестно отзывается о Гендо. Вместе с тем, наблюдения за эмоциями Рэй заставляют Синдзи задуматься над положительными чертами отца, которого он воспринимает несколько однобоко.

4. **Со смертью по жизни.** Сорью Аска Лэнгли, одна из главных персонажей, пилотирует биомеханического робота. Возраст: четырнадцать лет. Мать Аски, увлечённая научными исследованиями, теряет внимание и привязанность собственного мужа, который уходит к другой женщине. Аске в этот момент около трёх лет. Её мать сходит с ума от горя и перестаёт узнавать собственную дочь. Аска очень переживает по этому поводу, хочет вернуть любовь матери, но никто не может помочь ей в этом. В конце концов, безумие матери приводит её к самоубийству. Перед смертью она призывает дочь умереть вместе. Это единственное "вместе", которое остаётся для Аски в отношениях с матерью. На похоронах Аска не плачет. Впоследствии она становится блестящим пилотом, лидером, внешне весёлым и общительным человеком. Но отношения, которых ей бы действительно хотелось, остаются для неё недоступными, как и в случае с матерью: Аска влюбляется в Кадзи, которого совершенно не прельщают отношения с четырнадцатилетней девочкой. В течение всего сериала, с момента появления на экране, Аска регулярно старается привлечь внимание Кадзи, но безуспешно. Лидерское положение Аски также оказывается непрочным, поскольку при попытках принимать решения она демонстрирует вспыльчивость, непоследовательность, импульсивность и не достигает успеха. В пример ей начинают ставить Синдзи. Основная проблема, с которой всё время сталкивается Аска, - это невозможность взаимодействовать с людьми и одновременно проявлять свои настоящие чувства. Она привлекает людей, будучи обаятельной и яркой, но тут же отталкивает их внезапными, непонятными для окружающих переменами настроения. Кроме того, Аска постоянно старается создать иллюзию собственного счастья и благополучия, поскольку не доверяет людям и опасается показывать им свои слабые стороны. Но напряжение, в котором она в действительности находится, быстро становится заметным для всех заинтересованных лиц. В результате Аска терпит одну неудачу за другой, впадает в депрессию и перестаёт справляться с обязанностями пилота. К моменту окончания сериала на её счету одна неудачная попытка суицида.
5. **Соперница собственной матери.** Акаги Рицуко, учёный, сотрудница Nerv. Возраст: около 30 лет. Как выясняется по ходу действия, мать Рицуко представляла себя в трёх ипостасях: учёного, матери и женщины. Обе женщины, и Рицуко, и её мать, влюблены в Икари Гендо, руководителя проекта Evangelion. Восхищение матерью как специалистом смешивается у Рицуко с ненавистью к ней как к

конкурентке. Икари Гендо примерно одинаково равнодушен к обеим женщинам и использует сначала мать, потом дочь. Мать Рицуко погибает при неясных обстоятельствах, вероятнее всего, совершает самоубийство, причиной которого становится осознание того, что Гендо никогда не питал к ней любви. Впоследствии Рицуко заменяет свою мать, повторяет точно такую же структуру отношений и так же разочаровывается в Гендо, что становится для неё огромным ударом.

При внимательном просмотре сериала становится заметно, что вся организация Nerv может быть описана как семья со сложными отношениями между сиблингами-пилотами, их старшими родственниками (руководителями организации) и некоторыми второстепенными персонажами. Подробный анализ этой целостной псевдосемейной системы, однако, не входит в число задач данной статьи, хотя я не могу не упомянуть о возможности и интересных перспективах такого анализа.

Надо заметить, что за время работы группы ни один из рассмотренных нами сценариев не остался без внимания. Участники охотно описывали родственные и любовные взаимоотношения персонажей, выстраивали связи между ними, старались понять влияние семейных сценариев на поведение персонажей и принимаемые ими решения. Особенно интересными, что было ожидаемо, стали для участников семейные отношения четырнадцатилетних пилотов. В процессе обсуждения несколько раз происходил спонтанный переход от семейного опыта персонажей к собственному семейному опыту участников. Проведение аналогий такого рода приводило членов группы к интересным открытиям относительно логики развития собственных отношений. Кроме того, осознание того, что персонажи аниме и другие участники группы имеют и успешно решают схожие семейные проблемы, давало возможность получить эмоциональную поддержку и воспользоваться представленным в сериале и группе опытом. Опираясь на эти результаты, мы полагаем, что проведение аниметерапевтических групп способствует осознанию участниками собственных семейных паттернов и расширению спектра вариантов разрешения затруднений, связанных с семейными отношениями. Кроме того, уникальная особенность аниметерапии заключается в том, что один и тот же сериал можно использовать как для обсуждения в группе сверстников, так и для семейного или индивидуального просмотра. Обсуждение материала в различных ракурсах позволяет находить множество возможностей для увеличения взаимопонимания в семье.

Литература:

1. Bernie Wooder. Movie Therapy: How It Changes Lives. - Rideau Lakes Publishing, 2008. - 248 p.
2. Васина Е., Барыбина А. Арт-альбом для семейного консультирования. Взрослый. - СПб.: Речь, 2006. - 24 с.
3. Васина Е., Барыбина А. Арт-альбом для семейного консультирования. Детский. - СПб.: Речь, 2006. - 24 с.
4. Википедия - <http://ru.wikipedia.org>
5. Морено Я. Л. Психодрама. - М.: Психотерапия, 2008. - 496 с.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФЕНОМЕНА МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В СЕМЬЕ

Актуальность феномена межпоколенческого конфликта для проблематики внутрисемейного взаимодействия не вызывает сомнений. Поколенческие (генерационные) отношения в семье – это одна из основ построения пространства внутрисемейного взаимодействия, в котором представители разных поколений наделяются специфическими ролями, связанными с выполнением тех или иных функций, в том числе и психологических. В этой связи неудивительно, что термин «межпоколенческий конфликт» используется в психологической литературе для обозначения самых разнообразных явлений: от детско-родительских конфликтов по мелким бытовым вопросам до глубокого расхождения во «взглядах на жизнь» между бабушками и дедушками и их внуками. При этом суть термина «межпоколенческий конфликт в семье» размывается, что затрудняет психологические исследования данного феномена и делает несопоставимыми полученные в различных эмпирических исследованиях результаты.

Как ни странно, проблема межпоколенческого конфликта в семье, которая, по сути, представляет собой проблему взаимоотношений людей, не имеет на сегодняшний день комплексной теоретической и эмпирической верификации с позиций социально-психологического знания. На наш взгляд, такое положение дел связано с трудностями «перевода» термина «поколение» на социально-психологический язык, которые обусловлены многозначностью содержания этого понятия. В современной науке понятие «поколение» имеет несколько различных трактовок. Древнейшим является его биологически-генетическое толкование, согласно которому поколение может рассматриваться как звено или ступень в цепи происхождения от общего предка (генерационный подход). В 19 веке в научный обиход вошла социологическая трактовка поколения, выводящая использование этого термина на макросоциальный уровень, благодаря которой поколение стало пониматься как общность сверстников. Социологический энциклопедический словарь, в частности, предлагает рассматривать поколение (в одном из значений этого термина) как совокупность близких по возрасту индивидов, социальная и идейно-политическая ориентация которых формируется под влиянием определенного исторического периода времени, имеющего свои специфические характеристики (Социологический энциклопедический словарь, 1998). При этом акцент может быть сделан на возрастные совпадения представителей одного поколения («По-настоящему совпадаешь только со сверстником. Современник и сверстник – это разные вещи: в истории их давно следует разграничивать, различая единство возраста и единство времени... будь

современники сверстниками, не было бы исторического развития» (Ортега-и-Гассет Х., 2000, с. 260) или же, напротив, на сходство социально-исторических условий жизни («Эта символическая общность не имеет четких хронологических границ. Чем значительнее историческое событие, тем шире хронологические рамки его влияния» (Кон И.С., 1967, с. 110)).

На первый взгляд возникает впечатление, что два описанных выше подхода дают основания для принципиально различной трактовки социально-психологической сущности феномена «межпоколенческий конфликт в семье» как семейно-ролевого конфликта (с позиций генерационного подхода) или конфликта представителей больших социальных групп (социологический подход). Однако в практике реального взаимодействия людей генерационный и социологический подходы к пониманию сущности поколения не противоречат друг другу, а, напротив, тесно переплетаются между собой, поскольку семья является основным элементом в системе взаимоотношений между поколениями. Межпоколенческие отношения на микроуровне социальных связей, в семье, особенно значимы, поскольку в малой социальной группе отношения людей имеют непосредственный характер (а не опосредованный, как в более широких социальных общностях). При этом содержание конкретных семейных ролей опосредуется принадлежностью их носителей к поколенческим социальным общностям, в результате чего одна и та же семейная роль может реализовываться различными способами, как, например, роль бабушки, что было наглядно показано А.Б. Фенько (Фенько А.Б., 2005).

Необходимо отметить, что в современном обществе наблюдается трансформация сложившейся веками поколенческой структуры семьи, что делает отношения между поколениями потенциально более напряженными и придает дополнительную актуальность исследованиям феномена межпоколенческого конфликта в семье. Так, в частности, в традиционном обществе поколенческая структура семьи в целом находилась в соответствии с существующими в обществе возрастными группами: «младшее», «среднее» и «старшее». Поколения различались по нормативным образцам поведения, предписываемым видам деятельности, месту в общественной структуре и выполняемым в ней в целом и в семье в частности функциям. Границы поколенческой общности устанавливались с помощью обрядов инициации или любых других событий, имеющих схожий смысл (свадьба, передача семейного дела детям и др.), что позволяло функционально и содержательно структурировать взаимодействие между поколениями внутри семьи, которое обобщенно выглядело следующим образом: «младшие» осваивают опыт, «средние» его накапливают, «старшие» транслируют следующим поколениям (Бочаров В.В., 2001). Сегодня общество столкнулось с проблемами, связанными с удлинением периода детства и увеличением продолжительности жизни. С точки зрения отношений поколений,

западноевропейский мир переживает уникальный исторический период, суть которого заключается в том, что в обществе впервые сложилась четырехзвенная, четырехпоколенная структура. Ее появление привело к новому структурированию социального пространства и времени. Прежняя, традиционная трехзвенная структура – дед, отец, сын – имела традиционные формы и механизмы трансляции социальности. Когда появилось четвертое поколение, оказалось, что в этих механизмах новые социально-поколенческие роли не прописаны. Благодаря распространению феномена итерации поколенческие роли в семье во многом потеряли содержательные связи с возрастными ролями, что также вносит дополнительные трудности в содержательное наполнение семейных ролей в изменившейся ситуации (Межпоколенческий конфликт..., 2000).

Однако, с другой стороны, происходит разрушение патриархального многопоколенного клана и распространение нуклеарной семьи, результатом чего является раздельное проживание разных поколений семьи. Отсюда возникает риск распада единства исторического и социального пространства и времени, которые невозможны без содержательного взаимодействия людей разных поколений, поскольку именно утраченное семьей старшее поколение осуществляет важную социальную функцию связи поколений, являясь необходимым звеном цепи, уходящей в далекое прошлое. В итоге, если традиционно механизмом, обеспечивающим преемственность в историческом и культурном опыте, являлась семейная социализация, предусматривающая трансляцию ценностей от старшего поколения к младшему, то на современном этапе различные институты социализации находятся друг с другом в отношениях конкуренции, появляются новые агенты социализации (религиозные организации, клубы, движения, средства массовой информации и т. д.).

Сказанное выше позволяет рассматривать межпоколенческий конфликт в семье не только как проявление межличностных отношений, но и одновременно как социальное явление, так как его участники отстаивают не только индивидуальные интересы, но и интересы своей поколенческой общности (Вдовина М.В., 2009). Таким образом, в межпоколенческом конфликте переплетаются межгрупповой и межличностный уровни взаимодействия людей. При таком подходе появляется возможность отделить межпоколенческий конфликт от других видов конфликтов между членами семьи: для того, чтобы конфликт был определен именно как межпоколенческий, необходимо, чтобы его участники идентифицировали собственную позицию с позицией своего поколения в целом.

При такой трактовке традиционные исследования феномена межпоколенческого конфликта оказываются не вполне состоятельными, поскольку в качестве «конфликтного содержания», как правило, исследуются проблемы, не имеющие собственно поколенческой принадлежности, например, «материальные проблемы», «зависимости»,

«развод» и т. д. Бесспорно, перечисленные трудности, как и многие другие, зачастую становятся причинами конфликтов между членами семьи, но идентифицируются ли эти конфликты самими участниками именно как «межпоколенческие»?

В нашем исследовании была предпринята попытка изучить содержание феномена «межпоколенческий конфликт в семье», представленное в обыденном сознании, поскольку именно в обыденном сознании закрепляются общекультурные представления о тех или иных явлениях (Улыбина О.В., 2001). Поскольку термин «поколение» отсылает к проблематике межгруппового взаимодействия, цель исследования заключалась в выявлении видов межгрупповых отношений, реализуемых во внутрисемейном взаимодействии и несущих потенциал межпоколенческого конфликта. В качестве испытуемых были выбраны молодые люди и девушки юношеского возраста, которые, как показывают результаты исследований А. С. Лойкканен, выполненных под нашим руководством, наиболее чувствительны к данной проблематике.

В исследовании приняли участие 31 человек в возрасте 17-19 лет, из них 20 девушек и 11 юношей. Испытуемым предлагалось подробно описать такую жизненную ситуацию, которую они могли бы назвать межпоколенческим конфликтом в семье. Затем испытуемые давали краткую характеристику участников описанного ими конфликта.

В результате были получены описания 33 ситуаций, осмысляемых испытуемыми как «семейный межпоколенческий конфликт». Средний объем описаний составил 13 предложений.

В соответствии с целями и задачами исследования нами был проведен контент-анализ описаний межпоколенческого конфликта, предложенных испытуемыми. Категориями для контент-анализа выступали социальные роли участников конфликта, которые упоминались испытуемыми. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1. Социальные роли, используемые молодыми людьми при описании «межпоколенческого конфликта»

Социальные роли	Частота встречаемости (%)
Возрастная	61,75
Социально-экономическая	20,59
Гендерная	5,89
Профессиональная	5,89
Городская	2,94
<i>Социальные роли не упоминаются</i>	2,94

Как видно из таблицы 1, в сознании испытуемых межпоколенческий конфликт представлен, прежде всего, как феномен межвозрастных отношений (61,75 %), связанный с разницей в содержании жизненного опыта и актуальной позиции сторон.

«Все пожилые люди привыкли жить “правильно”. Ложиться спать часов в девять, вставать рано. А молодые, наоборот, привыкли ложиться

поздно и не торопятся вставать. Бабушка очень любит говорить о вреде компьютеров и мобильных телефонов. Но как без этого? Она не может понять, что для меня это так же, как для нее читать книги или часами болтать с подругами. Она не может принять мой режим дня. Столько конфликтов начинается из-за этого... Думаю, что конфликт поколений будет всегда» (м., 18 лет).

Другим немаловажным аспектом межвозрастного конфликта в семье для младшего поколения является система возрастных цензов – ограничений и запретов, мотивируемых их возрастом.

«У моей подруги мама категорически отказывается отпускать ее куда-либо на ночь, и объясняет это тем, что подруга “еще слишком молода”. Даже на Новый год часа в три ночи она должна быть дома. Мама утверждает, что в ее молодости было неприличным возвращаться домой под утро. Даже если нам классный руководитель организовывал поездку куда-нибудь с ночевкой, моя подруга это пропускает. Только с 21 года она сможет уходить из дома на ночь. Также до этого возраста ей запрещено красить волосы. Я считаю это неправильным» (ж., 17 лет).

Помимо возрастного аспекта, межпоколенческий конфликт в сознании испытуемых довольно часто связан и с социально-экономической проблематикой (20,59 %), отражающей распределение денежных средств и различных благ.

«Например, в семье, где работают родители (точнее, не работают дети), ребенок просит денег на какой-нибудь навороченный, новый, допустим, тр3-плеер. Родители, а часто еще и бабушка с дедушкой, предпринимают попытки отговорить меня от покупки этого чуда современной техники. Туда включаются, например: “Зачем тебе это надо?”, “У тебя уже есть телефон с тр3”, “Тебе же недавно купили дорогуший ноутбук”, “Через неделю тебе надоест, будет без дела валяться”. И самое главное: “Вот начнешь сам зарабатывать – будешь покупать все, что хочешь!”. И тут я завожусь. Они же сами хотели, чтобы я учиться в вуз пошел!!!» (м., 19 лет).

Остальные социальные роли упоминаются испытуемыми менее чем в 6% случаев, что говорит о низкой значимости данных видов отношений в содержании понятия «межпоколенческий конфликт в семье».

Таким образом, проведенное нами исследование позволило показать, что в обыденном сознании термин «межпоколенческий конфликт в семье» представлен, прежде всего, в контексте межвозрастной и социально-экономической проблематики. В подавляющем большинстве случаев (более чем 97%) отнесение конфликта с другими членами семьи к разряду межпоколенческих связано в сознании испытуемых с актуализацией тех или иных компонентов социальной идентичности, определяющих принадлежность человека к различным социальным группам и «выводящим» его за пределы сугубо семейных взаимоотношений. На наш взгляд, эти результаты позволяют сузить область применения термина «межпоколенческий конфликт в семье» и рассматривать его в контексте

реализации межгрупповых отношений (прежде всего, межвозрастных и социально-экономических) в практике внутрисемейного взаимодействия людей.

Литература:

1. Бочаров В.В. Антропология возраста. – СПб., 2001
2. Вдовина М. В. Межпоколенческие отношения: причины конфликтов в семье и возможные пути их разрешения // Электронный журнал "Знание. Понимание. Умение". – 2009. – № 3 (Социология)
3. Кон И.С. Социология личности. – М., 1967
4. Межпоколенческий конфликт в контексте семейной психотерапии. – М., 2000
5. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. – М., 2000
6. Социологический энциклопедический словарь / ред.-координатор Г.В. Осипов. – М., 1998
7. Улыбина О.В. Психология обыденного сознания. – М., 2001
8. Фенько А.Б. Люди и деньги. Очерки психологии потребления. – М., 2005

ТЕМАТИКА ТРЁХ СБОРНИКОВ ПО ПСИХОЛОГИИ СЕМЬИ (2007-2009 ГГ)

В статье раскрывается семиопсихометрическое обобщение содержания трёх сборников по психологии семьи, подготовленных сотрудниками кафедры психологии человека РГПУ им. А.И. Герцена в 2007-2009 гг. В частности, раскрываются предпосылки, ход и результаты этого обобщения: выделяются устойчивые понятия (субъективные категории), их устойчивые парные сочетания и композиция – как распределение этих понятий по их положению во взаимосвязях на взятом их множестве.

Рассмотрены материалы, опубликованные в трёх сборниках научных статей, подготовленных сотрудниками кафедры психологии человека в Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена в 2007-2009 гг. В частности, рассмотрены:

1) Современные проблемы психологии семьи: Сб. статей / Под науч. ред. С.А. Векиловой. – СПб.: Изд-во АНО «ИПП», 2007. – 144 с.

2) Современные проблемы психологии семьи: феномены, методы, концепции. Вып.2 / Под науч. ред. С.А. Векиловой. – СПб.: Изд-во АНО «ИПП», 2008. – 122 с.

3) Современные проблемы психологии семьи: феномены, методы, концепции. Вып.3 / Под науч. ред. С.А. Векиловой. – СПб.: Изд-во АНО «ИПП», 2009. – 101 с.

Тематика материалов любого научного сборника раскрывается, прежде всего, в названиях включённых в него текстов. Обычно используется потекстовый масштаб анализа; это значит, что рассматриваются отдельные работы, вошедшие в сборник. В нашем же случае для анализа и последующего обобщения в качестве *единиц наблюдения* взяты формулировки тем, или названия работ, опубликованных в трёх сборниках, всего $N = 23 + 16 + 19 = 58$.

Семиопсихометрическое обобщение понимается следующим образом. *Обобщение* предполагает отнесение взятого объекта к категории (классу) сходных с ним объектов (по взятому основанию), с отвлечением от его единичных и особенных признаков. Поэтому всякая категоризация посредством словесного обозначения является обобщением. Под *семиопсихометрикой* понимается частный случай ситуативно-функционального измерения, при котором значащие проявления психики соотносятся друг с другом в пределах взятой предметной области. В нашем случае это слова как «живые клетки» сознания (по Л.С. Выготскому), которые учитываются по их лексической основе с отвлечением от формальных грамматических признаков.

Обобщение проведено на материале категориального наполнения формулировок, раскрывающих названия опубликованных работ как

указывающих на их объективную тематику. Предполагается, что словесное выражение этого категориального наполнения раскрывает имплицитное строение у взятой предметной области научных исследований, обнаруживает её основные субъективные познавательные проекции. Иногда эти проекции также называют конструктами, или факторами.

В данном случае реализованы два основных этапа обобщающего семиопсихометрического описания. Это сплошной индуктивный контент-анализ с выделением субъективных категорий (*единиц анализа*), раскрывающих взятую тематику, и с учётом устойчивости их проявлений во взятом контексте (*единиц счёта*). И это предметно-ассоциативное структурирование взятого материала – с определением состава структуры, в который включаются самые устойчивые категории, и с определением отношений на этом составе, отношений парных и композиционных.

Операционально названные этапы конкретизируются следующим образом. Среди всех субъективных категорий (*единиц анализа*, раскрывающих тематику научных исследований) выявляются категории с наибольшей распределительной устойчивостью – частотой у соответствующих им лексических единиц (*единиц счёта*). Говоря о распределительной частоте, специалисты-языковеды имеют в виду количество текстов из числа взятых (у нас $N = 58$), содержащих определённую лексическую единицу.

Затем описываются парные ассоциативные связи между устойчивыми субъективными категориями. Их эмпирический показатель – это сочетаемость лексических единиц как их совместное появление в одних и тех же высказываниях (формулировках названий). На основе полученного конечного множества показателей парных связей описывается композиция структуры. Она раскрывается для нас, прежде всего, как положение каждой из устойчивых категорий на множестве её парных связей. Это положение характеризуется большей или меньшей центральностью в структуре с учётом выраженности всех ассоциативных связей у взятой категории со всеми остальными категориями, включёнными в состав структуры. Эмпирическим показателем центральности – периферийности элементов в структуре является среднее арифметическое углового расстояния между векторами, отображающими все элементы состава, для каждого из них со всеми остальными (по Фишеру, в *радианах*).

В результате сплошного индуктивного контент-анализа оказалось, что тематика исследований в области психологии семьи, опубликованных в трёх сборниках, раскрывается проявлениями 203-х субъективных категорий, которые выражены лексическими основами, имеющими распределительную частоту от одного до тридцати шести: $f=1\div 36$. При этом 119 лексических единиц из 203-х использованы только в какой-либо одной формулировке и имеют распределительную частоту $f=1$.

В числе наиболее употребительных оказались проявления темы «семья»: $f=36$. Это различные словоформы, производные от общей

лексической основы «сем-» и, прежде всего, форма «семейный». Устойчивыми также оказались: предлог «в» (21), союз «и» (17), лексические проявления темы «отношение» ($f=16$), предлоги «на» и «у», а также тема «подросток» (по 10). Проявления четырёх тем – «дети», «жизнь», «психология», «социальность» – имеют показатели устойчивости $f=9$. Остальные субъективные категории, раскрывающие тематику трёх сборников, выражены лексемами, которые имеют распределительную частоту $f \leq 8$.

В состав предметно-ассоциативной структуры в нашем случае включены только наиболее устойчивые *знаменательные* лексические единицы, распределительная частота которых на 95%-м уровне вероятности статистического прогноза отличается от однократной: $f \geq 6$. Таких единиц оказалось $L=14$. В их число, помимо уже названных выше семи самых устойчивых, вошли лексические проявления категории «особенность» (с 8-м рангом устойчивости: $f=8$), три категории, поделившие 9÷11-е места (с $f=7$): «как», «между», «роль», – и три категории, поделившие 12÷14-е места (с $f=6$): «ребёнок», «родители», «ситуация». Причём слово «как» в данном случае используется в значении союза, раскрывающего отнесение одного взятого фрагмента действительности к другим; синонимом здесь является выражение «в качестве...».

Эти четырнадцать элементов состава перекрывают формулировки тем у 56-и публикаций из 58-и, что составляет около 97% всех публикаций. Этих элементов нет в двух работах: «Интернет-реакции на флешмоб грудного вскармливания (предметно-ассоциативное структурирование)» и «Соотношение стилей и стратегий совладающего поведения у супругов». Выраженность предметного своеобразия их тематики позволяет считать данные работы самыми специфичными из 58-и. По одному элементу содержат восемь формулировок, по два элемента содержат 20 формулировок, по три – 17 и по четыре – 10. В названии одной работы оказалось шесть элементов из четырнадцати: «*Социально-психологическое сопровождение подростков на этапе подготовки к преодолению кризисных ситуаций семейной жизни*». Такое раскрытие темы позволяет считать данную формулировку наиболее типичной для всего взятого множества формулировок, лучше других отображающей, в общем, предметность тематики трёх сборников по психологии семьи.

Далее рассмотрена сочетаемость элементов, включённых в состав структуры, в 58-и единицах наблюдения – в исходных формулировках тем (в названиях публикаций) в трёх сборниках. Их количественное описание дано с использованием коэффициента корреляции Пирсона для качественных признаков; его также называют иногда тетракорическим показателем связи, или показателем четырёхклеточной корреляции. (См. соответствующие элементы в приведённой ниже таблице. Эти элементы находятся в столбцах, объединённых «шапкой»: «Корреляционное

описание парных отношений – сочетаемости – категорий: коэффициент корреляции Пирсона ($r \times 100$)).

В данном случае из 91 парного отношения 36 отношений, или около 40%, описываются положительными коэффициентами ($r \geq 0$). При этом только 6 положительных коэффициентов корреляции подкрепляются статистически. Для $N=58$ единиц наблюдения на трёх стандартных уровнях вероятности безошибочных прогнозов пороговые коэффициенты корреляции равны, соответственно: при $P \geq 0,95$ $|r| \geq 0,26$; при $P \geq 0,99$ $|r| \geq 0,34$ и при $P \geq 0,999$ $|r| \geq 0,42$.

Напомню, что самые устойчивые ассоциации между элементами в парах – это совместное появление в одних и тех же формулировках названий двух соответствующих единиц счёта – определённых лексических форм. В нашем случае статистически неслучайно сочетаются, прежде всего, «дети» и «родители» ($r=0,64$), «жизнь» и «ситуация», «между» и «отношение» (по 0,48), «психология» и «социальность» (0,34). С точки зрения статистической значимости пороговые показатели неслучайной ассоциированности имеют две пары: «подросток» и «семья», «ребёнок» и «ситуация» (в обоих случаях $r=0,26$).

В трёх парах проявилось статистически неслучайное взаимное отталкивание. Можно сказать, что в тенденции «избегают» друг друга такие субъективные категории, как «дети» и «семья» ($r=-0,35$), «особенности» и «семья» (-0,31), «жизнь» и «отношение» (-0,26).

Далее была дана характеристика предметно-ассоциативной структуры с точки зрения её композиции, или с точки зрения упорядоченности элементов состава в рамках целого. Для этого использована «ядерно-оболочечная модель», в соответствии с которой элементы состава по их взаимным отношениям занимают в рамках целого более или менее центральное положение. При количественном описании композиции использовано допущение об аддитивности (суммируемости) парных отношений каждого элемента в структуре, а корреляционная матрица преобразована в изоморфную ей матрицу угловых расстояний (по Фишеру, в *радианах*). При этом коэффициент корреляции получает тригонометрическую интерпретацию – как косинус угла между двумя векторами, отображающими пару взятых элементов структуры.

В результате при описании композиции положение каждого элемента в структуре характеризуется средним арифметическим его угловых расстояний (в *радианах*) ото всех остальных элементов состава. Таким образом, формируется ситуативно-функциональная шкала общности – специфичности элементов в структуре. Она измеряет центральность – периферийность распределения элементов в рамках целого.

В нашем случае в центре структуры, с минимальной величиной специфичности ($sp=1,547 \pm 0,057$ *рад*), локализована «ситуация». На периферии структуры, с максимальной величиной специфичности ($sp=1,648 \pm 0,072$ *рад*), локализованы «дети». Правда, разница между

показателями специфичности у периферийного и центрального элементов не подкрепляется статистически. Поэтому нет оснований для распространения полученных результатов на *другие* сборники по психологии семьи. Но в данном случае именно таковы полюса ситуативно-функциональной шкалы общности – специфичности устойчивых субъективных категорий. Здесь эта шкала маркирует метрику субъективного пространства, отображающего тематику трёх *взятых* сборников во *взятом* масштабе структурного описания этой тематики и при *взятом* числе единиц наблюдения – названий опубликованных в сборниках статей.

На втором месте от центра локализована «жизнь» ($1,548 \pm 0,057$), на третьем – «психология» ($1,555 \pm 0,052$). С другой стороны шкалы, от периферии, на втором месте локализованы «особенности» ($1,622 \pm 0,040$), на третьем месте – «семья» ($1,602 \pm 0,051$), на четвёртом – «как» ($1,601 \pm 0,033$), на пятом – «между» ($1,599 \pm 0,058$), на шестом – «социальность» ($1,593 \pm 0,052$) и т.д.

Оказывается, что только три элемента в составе предметно-ассоциативной структуры с минимальными показателями специфичности находятся в той её области, где преобладают центростремительные тенденции: их специфичность оценивается показателями $sp_i < sp_0 \approx 1,571 \text{ рад}$. Остальные одиннадцать элементов находятся в области преобладания центробежных тенденций: их специфичность оценивается показателями $sp_i > sp_0 \approx 1,571 \text{ рад}$. Причём распределение показателей специфичности вдоль её шкалы довольно близко к нормальному, в чём легко убедиться при отображении этого распределения на плоскости. Есть центральная группа из восьми показателей в диапазоне $sp_i = 1,586 \div 1,602 \text{ рад}$ (для всех четырнадцати устойчивых элементов состава $\overline{sp} = 1,589 \pm 0,008 \text{ рад}$) и есть «хвосты» из четырёх показателей в области меньших значений и из двух показателей в области больших значений.

Полностью результаты количественного описания предметно-ассоциативной структуры отображаются в виде таблицы, включающей в себя частоту каждого из элементов состава, корреляционную полуматрицу сочетаемости элементов друг с другом и описание композиции – как положения каждого элемента среди остальных во множестве парных отношений с ними. Положение это характеризуется специфичностью, в *радианах*, и рангом общности, или центральностью положения элемента в структуре.

Для наглядности и большей информативности результаты выявления предметно-ассоциативной структуры отображаются на плоскости в виде корреляционного графа. Тогда ось общности – специфичности изображается в виде вертикального отрезка. Отрезок градуируется в пределах от минимального показателя специфичности до максимального. Минимальному показателю соответствует ранг общности 1, который локализуется снизу отрезка и символизирует центр структуры.

Максимальному показателю специфичности соответствует минимальная общность, в данном случае – с рангом 14. Этот показатель локализуется в верхней части вертикального отрезка и символизирует периферию структуры. Вершины графа, обозначенные порядковыми номерами категорий, распределяются вдоль вертикально расположенной градуированной шкалы в соответствии с показателями специфичности всех элементов состава.

Таблица. Количественное описание предметно-ассоциативной структуры устойчивых ($f \geq 6$) категорий, раскрывающих тематику трёх сборников по психологии семьи

Субъективные категории	Устойчивость, f	Корреляционное описание парных отношений – сочетаемости – категорий: коэффициент корреляции Пирсона (r x 100)						
		1	2	3	4	5	6	7
1 дети	9	x	-05	-16	-16	-03	-05	-20
2 жизнь	9		x	-01	-16	-03	-26*	-07
3 как	7			x	19	-15	01	11
4 меж/ду	7				x	16	48***	-17
5 особенность	8					x	20	-05
6 отношение	16						x	02
7 подросток	10							x

(окончание таблицы)

Субъективные категории	Устойчивость, f	Корреляционное описание парных отношений – сочетаемости – категорий: коэффициент корреляции Пирсона (r x 100)							Описание композиции	
		8	9	10	11	12	13	14	специфичность и её ошибка, радиан	ранг общности
1 дети	9	-20	01	64***	-16	-35**	-15	-18	1,648±0,072	14
2 жизнь	9	21	17	-15	13	-06	48***	08	1,548±0,057	2
3 как	7	-01	05	-13	-14	-04	05	-16	1,601±0,033	11
4 меж/ду	7	-16	-13	-13	02	-04	-13	-16	1,599±0,058	10
5 особенность	8	-03	-14	-14	00	-31*	03	-17	1,622±0,040	13
6 отношение	16	-16	-21	17	01	-07	-21	-16	1,587±0,061	6
7 подросток	10	06	-16	00	-17	26*	00	18	1,586±0,041	5

Субъективные категории	Устойчивость, f	Корреляционное описание парных отношений – сочетаемости – категорий: коэффициент корреляции Пирсона ($r \times 100$)							Описание композиции	
		8	9	10	11	12	13	14	специфичность и её ошибка, <i>радиан</i>	ранг общности
8 психология	9	x	-15	-15	-16	04	17	34**	1,555±0,052	3
9 ребёнок	6		x	07	22	-08	26*	-15	1,589±0,046	7
10 родители	6			x	-13	-08	-12	-15	1,590±0,068	8
11 роль	7				x	07	-13	-01	1,575±0,041	4
12 семья	36					x	03	24	1,602±0,051	12
13 ситуация	6						x	01	1,547±0,057	1
14 социальность	9							x	1,593±0,052	9
Средняя арифметическая специфичности, \overline{sp} , <i>радиан</i>									1,589	-
Стандартное отклонение, σ , <i>радиан</i>									0,028	-

Примечание: при $N = 58$ $|r|_{56,0,95} \geq 0,26$ (обозначено*); $|r|_{56,0,99} \geq 0,34$ (**); $|r|_{56,0,999} \geq 0,42$ (***)

В нашем случае распределение показателей специфичности асимметрично относительно пограничного значения $sp \approx 1,571$ рад и по размаху (см. выше о крайних показателях), и по объёму. Как уже было сказано, три из 14 показателей находятся в области с преобладанием центростремительных тенденций ($sp_i < 1,571$) и одиннадцать показателей – в области с преобладанием центробежных тенденций: $sp_i > 1,571$.

Распределение вершин графа по специфичности становится основой для отображения также наиболее устойчивых парных отношений в виде рёбер графа. Для большей определённости изображения используется следующая процедура. На рисунке в виде рёбер, объединяющих вершины, воспроизводятся только положительные максимальные по величине статистически значимые коэффициенты корреляции от более специфичных элементов к менее специфичным.

В результате использования графопостроения становится очевидным наличие ортогональных, хотя и пересекающихся, подструктур: одной

триады, четырёх пар и трёх одиночных элементов, различающихся по их положению в структуре.

Триада образована элементами: «ситуация – жизнь, ситуация – ребёнок». В предметно-ассоциативной структуре тематики эта триада является ядерной, исходной составляющей. Очень близка к ней по показателям специфичности пара «психология – социальность». Более специфичны весьма устойчивая пара «отношение – меж/ду» и пара, устойчивая на грани статистической значимости: «подросток – семья». И самой специфичной является самая устойчивая пара «родители – дети». В числе трёх элементов, не имеющих устойчивых ассоциаций, наименее специфична «роль», с большей специфичностью – прямое соотнесение с какой-либо категорией («как») и наиболее специфичные «особенности».

Таким образом, в данном случае достаточно очевидна семиотическая определённость полюсов у шкалы центральности – периферийности элементов в структуре. Эта определённость становится основанием для интерпретации и промежуточной области шкалы, и всей предметно-ассоциативной структуры у содержания трёх взятых сборников.

Так, центральный полюс («ситуативность»), в общем, соответствует эмпирической *пространственно-временной* определённости проводимых исследований. В частности же, в условиях научной работы на кафедре психологии человека, это одно из основных инструментальных понятий, используемое вместе с понятием «жизнь», в форме словосочетания «жизненная ситуация». Именно так исследователи специализируют и анализируют условия, в которых человек живёт и развивается, в том числе формируя собственный душевный мир.

Периферийный полюс («дети») конкретизирует приоритетную предметность (или *субстанциальность*) при научной разработке вопросов психологии семьи вообще и, в частности, в рамках специализации по психологии семейных отношений на кафедре психологии человека. Дети – это реальное будущее прогрессивно развивающихся и народов, и семьи как социального института, и отдельных людей. Поэтому вполне органично устойчивое внимание исследователей к особенностям развития детей.

В рамках контекста, заданного полюсами, появляется основание для того, чтобы сказать, что конкретизация актуальных «отношений», раскрывающая промежуточную область структуры, или её «тело», учитывает *информационный* аспект семейной тематики. Ибо именно через отношения складывается и обнаруживает себя всё много- и разнообразие структур у любой сложной отдельности, каковой является и семья.

И тогда элемент «роль» с его главным семантическим наполнением *влияния-на-формирование*, что близко семантике факторов Активности и Силы (по Ч. Осгуду), остаётся интерпретировать как учитывающий *энергетический* аспект семейной тематики.

Подводя итоги, можно сказать, что семиопсихометрическое структурирование в данном случае вскрывает имплицитную установку категориального моделирования действительности совокупным субъектом

научного познания. В частности, тематика трёх сборников по психологии семьи в своём категориальном ядре обнаруживает стремление исследователей охватывать взятую предметную область возможно более полно. А соответствующие структурообразующие аспекты действительности В.А. Ганзен (1984) обозначил как исходный пентабазис свойств любой отдельности – свойств пространственных, временных, субстанциальных, энергетических и информационных.

Литература:

1. Ганзен В.А. Системные описания в психологии. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – 176 с.
2. Современные проблемы психологии семьи: Сб. статей / Под науч. ред. С.А. Векиловой. – СПб.: Изд-во АНО «ИПП», 2007. – 144 с.
3. Современные проблемы психологии семьи: феномены, методы, концепции. Вып.2 / Под науч. ред. С.А. Векиловой. – СПб.: Изд-во АНО «ИПП», 2008. – 122 с.
4. Современные проблемы психологии семьи: феномены, методы, концепции. Вып.3 / Под науч. ред. С.А. Векиловой. – СПб.: Изд-во АНО «ИПП», 2009. – 101 с.

ПРОЯВЛЕНИЕ РЕВНОСТИ У МУЖЧИН СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

В новом тысячелетии наблюдается масштабное разрушение духовного мира человека и материальной основы его существования - семейного очага. Одной из частых причин нарушения семейных отношений является ревность. Необоснованные и частые проявления ревности свидетельствуют не столько о недоверии партнеру, сколько о неверии в собственную способность удержать взаимные отношения перед лицом даже незначительного соревнования.

В отечественной и зарубежной психологии различные аспекты ревности изучались обособленно: ревность в социально значимых отношениях рассматривалась как базовая установка личности; ревность к субъекту отношений была предметом психотерапевтической и психокоррекционной работы; ревность как симптом заболевания рассматривалась в патопсихологии и медицине с проведением соответствующей терапии. В теории З. Фрейд, К. Юнга, А. Маслоу, Р. Ассаджиоли, К. Хорни рассматривают ревность, с двух позиций: как столкновение, борьбы двух внутренних «Я». Также ревность, как внутриличностный конфликт рассматривали К. Роджерс, К. Левин, В. Франкл, А. Голднер, А. Адлер, Э. Фромм, Э. Эриксон. Среди отечественных психологов одним из первых внутренние конфликты исследовал А. Лурия, также внесли вклад В. Мерлин, В. Мясищев, Н. Левитов и Л. Сливина. В последние годы активно изучается Ф. Василюком, Т. Титаренко и Ю. Юрловым. Сексолог и психотерапевт Л. Щеглов считает, что у мужчин ревность проявляется в более жестком варианте, так как мужчина более тревожен, чем женщина: «Ревнует более страстный, чем нежный, а основа ревности – в неуверенности в себе» (Л. Щеглов, 2002).

Таким образом, проблема ревности у мужчин весьма *актуальна*, так как влияет на гармонию семейно-брачных отношений.

Целью нашего исследования было выявление проявления ревности у мужчин среднего возраста. В качестве гипотезы выступало предположение, что ревность как компонент брачно-семейных отношений зависит от возраста и стажа семейной жизни.

Объектом исследования стали: 20 мужчин в возрасте от 30 до 35 лет, средний стаж в браке - 6 лет и 20 мужчин в возрасте от 40 до 45 лет, средний стаж в браке – 15 лет, а предметом - ревность у мужчин среднего возраста. Были использованы методики: «Тест измерения уровня удовлетворенности супругов браком» В.В. Столин, Т.Л. Романова, Г.П. Бутенко; «Тест выявления особенностей межсупружеского общения» Ю. Е. Алешиной, Л. Я. Гозмана, Е. М. Дубовской; «Тест измерения установок в семейной паре» Ю. Е. Алешиной; «Методика выявления характера взаимодействия супругов в конфликтной ситуации» Ю. Е. Алешиной, Л. Я. Гозмана, Е. М.

Дубовской; Методика «Представление о ревности» - модифицированный вариант методики «10 утверждений самооотношения» М. Куна и Мак-Партленда.

В ходе проведенного исследования нам удалось выявить, что в обеих возрастных группах у мужчин выражена ориентация на традиционно представляемую романтическую любовь, они ориентированы на совместную деятельность во всех сферах семейной жизни и считают, что семья, в которой нет детей – неполноценная семья. Единогласно мужчины обеих возрастных групп продемонстрировали стремление к автономии и проявили лояльное отношение к разводу, объясняя это тем, что ребенку видеть ссоры родителей тяжелее, чем остаться с одним из родителей после развода. Мужчины обеих возрастных групп считают, что современные женщины все реже соответствуют истинному идеалу женственности и для женщины не так важно обладать деловыми качествами, как для мужчины.

Мужчины в возрасте от 30 до 35 лет с увеличением стажа семейной жизни стремятся получить от семейной жизни удовольствие, а общение в семье у них носит более доверительный и откровенный характер. Чем выше у мужчин молодого возраста удовлетворенность браком, тем они больше доверяют своим супругам, но при этом у них все равно проявляется чувство ревности, даже при условии полного выполнения всех норм и правил морально – нравственного кодекса совместного жития, так как появляется боязнь потерять любимого человека. В возникновении конфликтной ситуации в семье мужчины этой возрастной категории склонны винить, прежде всего, супругу. Негативно расценивают проявление и демонстрацию у жен лидерских наклонностей в семье. У них богаче воображение и ревность провоцирует повышенную психологическую возбудимость, становится основным источником отрицательных переживаний. Мужчины этой возрастной группы оказались лидерами в проявлении ревности, которая является ответной реакцией на поступки, действия и слова своей супруги. Основной причиной проявления ревности у мужчин от 30 до 35 лет являются: конфликтные ситуации в семье вызванные особенностями межсупружеских взаимоотношений; уверенность мужчины в своей правоте и обоснованности своих притязаний, даже если нет никаких доказательств, свидетельствующих в пользу его ревности; заниженное значения сексуальной сферы в семейной жизни.

Мужчины в возрасте от 40 до 45 лет с увеличением стажа семейной жизни считают, что для них важнее чувство долга перед семьей. Стабильность и эффективное функционирование семьи в большей степени связаны у мужчин старшего возраста с внутренними факторами: личная привязанность членов семьи друг к другу, чувство любви и ответственности, согласованность, взаимная детерминированность супружеских позиций в главных сферах семьи и т.д. Общение в семье происходит в комфортной атмосфере при взаимопонимании со стороны супруги. Открытые конфликты и вербальные ссоры происходят реже,

однако обида и недовольство копятся, что приводит к внутреннему дискомфорту, но не более того. О лидерских наклонностях супруги мужа предпочитают промолчать и скрыть свое недовольство. Мужчины не считают виновными себя в возникновении конфликтных ситуаций, а если конфликт в семье все же назрел, то стараются смягчить возникшую ситуацию и согласиться с доводами жены. Мужчины от 40 до 45 лет менее ревнивы и наоборот мысленно соглашаются и оправдывают поступки своей супруги и даже в некоторых ситуациях дают определенную свободу в отношениях с другими мужчинами. Чем старше и увереннее становится в себе мужчина, тем меньше у него проявлений ревности. Основной причиной проявления ревности у мужчин от 40 до 45 лет являются: стремление жен к равноправию и проявление у них лидерских наклонностей.

Супружеские отношения мужчинам обеих возрастных групп приносят скорее удовлетворение и стабильность, а чувства, с которыми они вступили в брак, не ослабели. Так же они считают, что жизнь без семьи, без близкого человека была бы «дорогой ценой» за полную их самостоятельность. Хотелось бы отметить и тот факт, что у мужчин в возрасте от 30 до 35 лет были два положительных высказывания о ревности:

- Ревность – это когда вы любите
- Ревность – это чрезмерная любовь.

Приведенные высказывания, дают возможность предположить, что некоторые мужчины используют ревность в качестве стимулятора любовных отношений, заставляя супругу постоянно терзаться муками ревности, на которых «основано», на их взгляд, великое чувство любви. Именно ревность является тем самым катализатором, под действием которого поговорка «от любви до ненависти - один шаг» подтверждает свою мрачную сущность.

Литература:

1. Алешина Ю.Е. Социально – психологические методы исследования супружеских отношений: социальная психология. М., 1980.
2. Мамонтов С. Как помочь страдающему от ревности человеку? //Тайна души.-2003.- Вып.21.-С.2-3.
3. Щеглов Л.Д. Энциклопедия секса СПб, Алетейя, 2002.

**ЛИЧНОСТЬ «ПОТРЕБИТЕЛЯ» И ОСОБЕННОСТИ
ПЕРЕЖИВАНИЯ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ ВСТУПЛЕНИЯ В
БРАК (ПО ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ
«ИВАН ФЕДОРОВИЧ ШПОНЬКА И ЕГО ТЕТУШКА»)**

В данной статье продолжается рассмотрение психологических особенностей гоголевских «созерцателей», начатое с анализа образа Подколесина [6]. Неоднократно отмечалась преемственность образов Шпоньки и Подколесина. Действительно, в обеих повестях потенциальная женитьба является центральным жизненным событием персонажей, проявляющим их внутренний мир, и одновременно кульминацией художественного произведения.

Как и Подколесин, Иван Федорович Шпонька может быть отнесен к «созерцателям» невысокого уровня в рамках вариантов психологического типа «потребитель», подтип «уединившийся в себе». В лице Ивана Федоровича Шпоньки можно обнаружить наиболее незначительный, духовно неразвитый вариант типа, ориентированного на пассивное созерцание. В то же время часто называют данный персонаж загадочным. В этом можно видеть его сходство с Акакием Акакиевичем Башмачкиным: как Башмачкин открывает галерею гоголевских приобретателей, так Шпонькой начинается ряд гоголевских созерцателей. Прототипами Ивана Федоровича Шпоньки стали великовозрастные соученики Гоголя по Полтавскому уездному училищу.

По А. Труайя, «четкость стиля и беспечная ирония наблюдений автора делают эту повесть как бы введением в мир маленьких людей, в мир их обыденных драм, в которых явно демонстрируются все странности их жизни. Через эту повесть, возможно, впервые, автор показывает нам ничтожность некоторых жизней, которые, тем не менее, тоже угодны Богу. Он обращается в своем творчестве к существу серому, нелепому и безликому. Фактически перед ним противоположность персонажа. Все здесь впалое, вместо того, чтобы быть выпуклым» [7, с. 117]. Согласно современному исследователю И. Трофимовой, принципом построения образа Шпоньки является абсурдное смешение противоположных типов поведения, соответствующих архаической (фольклорно-мифологической) и христианской культур, что и вызывает комический эффект. При этом «за комической и бытовой стихией повествования приоткрывается авторское представление о катастрофичности человеческого бытия, утратившего представления о подлинных ориентирах жизни и путях изменения убогого и безблагодатного существования» [8, с. 191]. Шпонька видится читателем как человек «ни то, ни се», некая фикция с бесформенным «я». В дальнейшем эта же формула еще более явно подходит к описанию личности Манилова. Согласно И. А. Виноградову [3], в лице Шпоньки Гоголь, в отличие от Фонвизина, изобразил духовного недоросля. Шпонька

не испытывает потребности в книгах и заглядывает только в гадательные, подобно чернокнижнику. Место веры и просто здравого смысла у Шпоньки занимает суеверие.

Жанр художественного произведения в значительной мере предопределяет специфику описания личностно-ситуационных характеристик. Если драматическое произведение («Женитьба») предельно заостряет особенности взаимодействия личности и жизненной ситуации «здесь-и-сейчас», «отсекая» все второстепенное, то повесть в большей мере останавливается на предыстории «судьбоносного контакта» личности и ситуации, и закономерности становления типа потребителя «плавно накладываются» на вполне «нормативную» [9] жизненную ситуацию.

Фамилия Ивана Федоровича «Шпонька» — «запонка» (укр.) подчеркивает незначительность героя. По повести, это поручик сорока лет, который, выходя в отставку, возвращается в свое небольшое имение — хутор. Делать там ему решительно нечего, т.к. всем занимается энергичная тетушка. По этой причине созерцание природы — основное его занятие, и оно значимо, оно вызывает душевные переживания, довольно смутные, но эстетически-возвышающие и свидетельствующие о возможности пробуждения души: «... он неотлучно бывал в поле при жнецах и косарях, и это доставляло наслаждение неизъяснимое его кроткой душе. Единодушный взмах десятка и более блестящих кос; шум падающей стройными рядами травы; изредка заливающиеся песни жниц, то веселые, как встреча гостей, то заунывные, как разлука; спокойный, чистый вечер, и что за вечер! Как волен и свеж воздух! Как тогда оживлено все: степь краснеет, синее и горит цветами; перепелы, дрофы, чайки, кузнечики, тысячи насекомых, и от них свист, жужжание, треск, крик и вдруг стройный хор; и все не молчит ни на минуту. А солнце садится и кроется. У! как свежо и хорошо! По полю, то там, то там, раскладываются огни и ставят котлы, и вокруг котлов садятся усатые косари; пар от галушек несет. Сумерки сереют... Трудно рассказать, что делалось тогда с Иваном Федоровичем. Он забывал, присоединяясь к косарям, отведать их галушек, которые очень любил, и стоял недвижимо на одном месте, следя глазами пропадавшую в небе чайку или считая копы нажатого хлеба, унизывавшие поле» [4, с. 294-295]. Данный отрывок характеризует выраженную созерцательную позицию, чуткость к прекрасному, единство с природой. Согласно А. Белому [1], даже ничтожество обнаруживает свою привлекательную сторону у Гоголя. У Шпоньки, в соответствии с данной ему Гоголем характеристикой, кроткая и добрая душа, которой вместе с тем «сродны» такие пустые занятия как чистка пуговиц, расстановка мышеловок, чтение гадательной книги и лежание на постели.

Будучи ребенком, Иван Федорович «был преблагонравный и престарательный мальчик» [4, с. 284]. Не блистая способностями, своей старательностью и смирным поведением он заслужил одобрение учителей. Было событие детских лет, которое сильно повлияло на дальнейшую его жизнь. Будучи в классе назначенным за свое благонравие аудитором, в

обязанности которого входило проставление отметок, он не выдержал искушения блином, который преподнес ему нерадивый ученик. Увлечшись блином, он пропустил начало урока, и грозный учитель со скандалом выбросил блин за окно, высечя Ивана Федоровича по рукам. «... С этих пор робость, и без того неразлучная с ним, увеличилась еще более. Может быть, это самое происшествие было причиною того, что он не имел никогда желанья вступить в штатскую службу, видя на опыте, что не всегда удается хоронить концы» [4, с. 285-286]. Видимо, он вынес вывод: всякая деятельность наказуема. Таким образом, на жизненном пути Шпонька не выдерживает первого же искушения, способствовавшего принятию угрозы наказания и законов света в качестве регуляторов нравственной жизни, «светской совести».

Способностями Шпонька не блистал и, проучившись несколько лет, отправился на службу в пехотный полк, где достиг весьма скромных успехов. Не имея особых жизненных притязаний, он тихо дослужился до небольшого офицерского чина, которым был вполне доволен. Это незначительный человек с незначительным чином. Гоголь иронически восхваляет его, говоря, что «иной на его месте, получивши такой чин, возгордился бы; но гордость совершенно была ему неизвестна, и, сделавшись подпоручиком, он был тот же самый Иван Федорович, каким был некогда в прапорщичьем чине» [4, с. 287].

После смерти матери именем стала управлять его тетушка Василиса Кашпоровна Цупчевська, сильно любившая его. Шпонька полностью положился на нее и продолжал служить. Через четыре года, получив от нее письмо с предложением оставить службу и заняться хозяйством, он тут же соглашается с ним и уходит в отставку в чине поручика. Тем самым существенно меняется его жизнь — по внешней причине, но не вызывающей противоречий во внутреннем мире.

Тетушка — само по себе событие, проявляющее внутренний мир Шпоньки. Она представляет собой резкий контраст по отношению к Ивану Федоровичу, оттеняя его слабость, незначительность, робость. «Воно ще молода дытына, — обыкновенно она говоривала, несмотря на то что Ивану Федоровичу было без малого сорок лет, — где ему все знать» [4, с. 294]. Любящая тетушка решила, что Иван Федорович будет хорошим хозяином, однако тот, приехав по делу к соседу-помещику, при первом же препятствии отказывается от дальнейших усилий.

Судьбоносное событие — встреча потенциальной невесты — проявляет пустоту внутреннего мира (обоих предполагаемых супругов). Хотя ему понравилась соседская барышня Марья Григорьевна, когда их нарочно оставили одних, «казалось, что все слова свои он растерял он на дороге. Ни одна мысль не приходила на ум.

Молчание продолжалось около четверти часа. Барышня все так же сидела.

Наконец Иван Федорович собрался с духом.

— Летом очень много мух, сударыня! — произнес он полудрожащим голосом.

— Чрезвычайно много! — отвечала барышня. — Братец нарочно сделал хлопущку из старого маменькиного башмака; но все еще очень много.

Тут разговор опять прекратился. И Иван Федорович никаким образом уже не находил речи» [4, с. 305].

Наконец, завершающее событие – появление осознанной мысли о женитьбе, подсказанной тетушкой. Хотя соседская барышня ему понравилась, но от мысли о женитьбе он «стоял, как громом оглушенный» [4, с. 306], мысль вогнала его в пот и страх («их должно быть везде двое») [4, с. 305-306], и он не мог уснуть. Сон — тоже отражение внутреннего мира:

«... еще несвязней сновидений он никогда не видывал. То снилось ему, что вокруг него все шумит, вертится, а он бежит, бежит, не чувствует под собою ног... вот уже выбивается из сил... Вдруг кто-то хватает его за ухо» [4, с. 307]. Хватает, конечно, жена. «То представлялось ему, что он уже женат, что все в домике их так чудно, так странно: в его комнате стоит вместо одинокой – двойная кровать. На стуле сидит жена. Ему странно; он не знает, как подойти к ней, что говорить с нею, и замечает, что у нее гусиное лицо» [4, с. 307]. Рядом стоят вторая, третья жены, и все с гусиным лицом. Шпонька бежит в тоске, но в кармане тоже жена, и в ухе — жена. Вместо тетушки колокольня, и жена тащит его на колокольню, и ему кажется, что он колокол. «То вдруг снилось ему, что жена вовсе не человек, а какая-то шерстяная материя; что он в Могилеве приходит в лавку к купцу. «Какой прикажете материи? — говорит купец. — Вы возьмите жены, это самая модная материя! Очень добротная! Из нее все теперь шьют себе сюртуки» [4, с. 307]. Купец меряет и режет жену. Потом ему говорят, что из такой плохой материи нельзя шить сюртук. От таких кошмаров «в страхе и беспомощности просыпался Иван Федорович. Холодный пот лился с него градом» [4, с. 308]. Сном и заканчивается повесть, не имеющая конца (читатель лишь узнает, что у тетушки созрел какой-то «новый замысел»).

В довольно обширном «шпоньковедении» можно встретить попытки сложного психоаналитического истолкования сна нашего героя. Однако исходным, с нашей точки зрения, должно быть представление об общей структуре психологического типа личности. А именно: личность Шпоньки безлика. Слишком явно подчеркивается его внутренняя пустота. У героя нет содержания – в этом содержание повести. В. В. Вересаев [2] неверно свел обрыв повести к сюжетной неумелости автора, тогда как Гоголь использовал данный прием сознательно, стремясь показать, что повесть может обрываться на любом месте, настолько пустячны герои и их события. Согласно комментариям к т. 1, в основе бессвязного сна Шпоньки о будущей жене, комически завершающего повествование,

лежит любовное объяснение немца Триумфа дочери царя Вакулы Подщипе (святочная трагедия И. А. Крылова «Триумф» (1797):

*Курит ли трупка мой — из трубка тфой пихтишь.
Или мой кафе пил — тфой в шашечка сидишь;
Фезте мой фидит тфой — на поля и на пушка,
И кочет auf ein Mal уфидеть на патушка,
Карона, скиптра, трон и слафа расстелить
И фместе на слатей из пушечка палить [5, с. 447].*

Таким образом, как и предшествующие жизненные события, будущая женитьбы проявляет незначительность и бессодержательность внутреннего мира персонажа, яркого представителя типа «потребителя».

Литература:

1. Белый А. Мастерство Гоголя: Исследование. М., 1996.
2. Вересаев В. В. Гоголь в жизни: Сист. свод подлин. свидетельств современников. Харьков, 1990.
3. Виноградов И. А. Религиозное образование Гоголя в Нежинской гимназии // Гоголь и православие / Сост. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М., 2004.
4. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. в 14 тт. М., 1937-1952. Т. 1.
5. Дмитриева Е. Е., Рогов К. Ю. Комментарии // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем. В 23 тт. Т. 1. М., 2003.
6. Коржова Е.Ю. Влияние личностных особенностей на переживание жизненной ситуации вступления в брак (по пьесе Н.В. Гоголя «Женитьба») // Современные проблемы психологии семьи. Вып. 3. СПб., 2008.
7. Труайя А. Николай Гоголь. М., 2004.
8. Трофимова И. Повесть Н. В. Гоголя «Иван Федорович Шпонька и его тетушка»: Феномен главного героя // Русское слово. 2004. № 5.
9. Baltes P.B. Theoretical propositions of life-span developmental psychology: On the dynamic of growth and decline // Developmental Psychology. 1987. V 23.

ОДНОПОЛЫЕ СЕМЬИ КАК ФЕНОМЕН ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

«Семья может стать местом формирования истинных людей», - пишет семейный психотерапевт Вирджиния Сатир [9, с.15]. Естественно, что взгляды психологов-исследователей давно обращены к феномену семьи. Среди прочих характеристик семьи как единицы психологического анализа выделяют модели и типы семей. Так, семьи могут отличаться по структуре, по типу главенства в семье, по семейному укладу, по социальному составу, по семейному стажу, по качеству отношений в семье, по социальной мобильности, по степени психологического здоровья и др. [10]. Появляются и новые, альтернативные модели семей, что является отражением культурно-общественных трансформаций. Эйдемиллер Э.Г., Никольская И.М. уже во введении к труду по семейной психотерапии отмечают: «В последние десятилетия современная семья в большинстве стран претерпевает серьезные изменения» [12, с.6].

Одна из новых для российского общественного пространства моделей семей – однополая семья. В России до определенного периода времени (1993 год – декриминализация гомосексуальности, 1999 год – ее депатологизация в форме официального перехода российской психиатрии к МКБ-10) само понятие «однополая семья» было невозможно (т.к. гомосексуалы рассматривались в качестве преступников и/или психически больных людей). Сегодня же мы сталкиваемся с тем, что феномен все более открыто существует в общественном пространстве, в то время как к его изучению отечественная психологическая наука еще только приступает.

В нашей статье мы хотим осветить несколько аспектов данной темы:

- обосновать необходимость включения феномена однополых семей в психологические исследования;
- описать трудности, которые могут ожидать исследователя при изучении данного феномена;
- наметить возможные направления психологических исследований однополых семей.

В первую очередь, приступая к исследованиям однополых семей, мы сталкиваемся с тем, что традиционные определения семьи включают в себя необходимость связанности ее членов кровным родством, узами брака или усыновления. В однополых партнерствах в России узы брака и усыновления невозможны в силу отсутствия специальных законов в действующем законодательстве. Как отмечает одна из разработчиц Семейного кодекса РФ О. Хазова, в Кодексе изначально закладывался высокий уровень консервативности, а брак в российском семейном законодательстве всегда мыслился как союз мужчины и женщины, и это выступало «имплицитным условием брака» (цит. по [5, с.39]). Таким

образом, в Семейном кодексе РФ не заложено никаких путей официальной легализации однополых союзов как семей.

Однако Carl D. отмечает, что большинство людей *вне зависимости от их сексуальной ориентации* (курсив наш – М.С.) придерживаются следующих закрепленных в культуре воззрений: во-первых, что счастливая личная жизнь возможна только при наличии партнера/партнерши, а во-вторых, что оптимальной формой интимных отношений является длительная связь [1]. Таким образом, для большинства гомосексуалов/бисексуалов целью в личной жизни является создание и поддержание длительных устойчивых отношений. А как показывает Куприянова И.С., в однополых семьях возможно выполнение всех основных функций традиционной семьи: в частности, хозяйственно-бытовой, эмоциональной, репродуктивной, воспитательной, экономической [6]. Выявляемые же отличия от гетеросексуальных семей в социально-статусной сфере и сфере первичного социального контроля «обусловлены социо-культурными характеристиками современного общества» [Там же, с. 31].

Итак, *de facto* длительно существующие и выполняющие ряд определенных функций однополые партнерства соответствуют понятию «семья». (Отметим, что в современной России в принципе существует значительный разрыв между семьями *de jure* и *de facto* - и это касается не только однополых семей). Многие западные авторы даже не останавливаются на объяснении того, что однополая семья – это вид семьи, т.к. это является для них принятым фактом; термины «гомосексуальная семья», «гей-семья», «лесби-семья» являются частью контекста исследований семьи (например, Харгаден Е., Ллевелин С., 2001).

Что же **нового** несет в себе подобная альтернативная модель семьи? Саймон Г. [8] подчеркивает «новаторский характер» однополых семей: это системы партнерских отношений, для которых существует очень мало «успешных образцов», которые конструируют для себя индивидуальные ролевые модели. Добавим также – и индивидуальные модели гендерных отношений в целом. Андронов Д. А. замечает, что у гомосексуалов отсутствуют четкие полоролевые модели, которые могут использоваться для идентификации и подражания [3].

Наблюдая процесс конструирования системы семейных отношений, которая априори не может быть выстроена по образу и подобию традиционной гетеросексуальной семьи, но вынужденно создает для себя индивидуальную модель, можно понять многое о конструировании семейных отношений в целом, о принципах, закономерностях и динамике подобного конструирования. Например, в исследованиях Воронцова Д.В. показано, что гомосексуальные мужчины склонны к экспериментированию и независимости от социальных ожиданий в своем поведении [4]; эти характеристики могут быть чрезвычайно важны при выстраивании однополых семей в условиях их неконвенциональности в конкретном обществе. Это также приводит нас к мысли о том, что исследования

однополых семей могут внести значительный вклад в понимание проблем существования и развития семейных систем в условиях сконструированной маргинальности, непринятости обществом.

Наконец, анализ факторов успешности существования однополого семейного союза может стать подсказкой к направлениям развития и изменения более традиционных систем семейных отношений (что особенно важно для сферы семейного консультирования). Приведем пример из исследования Куприяновой И.С. – цитату из высказывания респондентки: «У натуралов (*т.е. в гетеросексуальных семьях – М.С.*) проблемы от непоняток между собой, разборки начинаются, если жена не выполняет свои “женские обязанности” или муж там свои “мужские”... Плакать хочется!» [6, с. 29]. В данном случае иллюстрируется вопрос о принципе закрепления семейных обязанностей в соответствии с полом – в гетеросексуальных семьях он может являться платформой для возникновения конфликтов, в то время как в однополой семье подобное закрепление производится более гибко и с учетом индивидуальных возможностей, потребностей, а не пола.

Перейдем к рассмотрению **трудностей** в научном изучении феномена однополых семей.

Одной из таких трудностей является неподготовленность методологического аппарата психологии семьи к изучению однополых семей. Так, например, при сборе социально-демографической информации: пол, возраст, уровень образования – не учитывается сексуальная ориентация испытуемых. Имеющиеся и разрабатываемые авторами психологические методики характеризуются *скрытым гетероцентризмом* – предназначенностью исключительно для исследования гетеросексуальных лиц. Личности с негетеросексуальной ориентацией/идентичностью в расчет обычно не принимаются. Например, вопросы анкеты формулируются таким образом, что могут быть отнесены только к гетеросексуальным партнерским отношениям, хотя при определении выборки сексуальная ориентация испытуемых не учитывается. К сожалению, это может стать искажающим фактором для результатов исследований, а также являться неэтичным по отношению к представителям выборки, чья сексуальная ориентация/идентичность отлична от гетеросексуальной (гомосексуалы, бисексуалы, асексуалы).

Наметим пути разрешения этой проблемы: сексуальная ориентация/идентичность испытуемых может быть учтена наряду с другими социально-демографическими признаками, формулировки авторских анкет могут предлагать варианты для лиц с различной сексуальной ориентацией/идентичностью, традиционные методики могут быть при необходимости модифицированы с учетом сексуальной ориентации/идентичности испытуемых.

Другой значительной трудностью является *закрытость однополых семей*, сложности установления исследовательского контакта. Это обусловлено условиями существования однополых семей в обществе:

негативное оценивание, отвержение, агрессия, проецирование общественных проблем на гомосексуалов и их семьи вынуждает их тщательно скрываться – и в результате становятся «невидимыми» в общественном пространстве. Как и в случае исследования других меньшинств или дискриминируемых групп, в данном случае необходимо в первую очередь установление доверительных отношений исследователя с испытуемыми. Подбор выборки исследования возможен по принципу «сарафанного радио» или через специальные организации, занимающиеся проблемами гомосексуалов. Полезно задействование любых личных контактов с представителями выборки.

Наконец, чрезвычайно сложной проблемой являются *гендерные стереотипы и гомофобия исследователя*. Они могут проявляться даже в том случае, если исследователь позитивно настроен к своим испытуемым. Например, гендерные стереотипы могут заставить нас прикладывать к таким семьям традиционные полоролевые модели и заранее делить испытуемых на выполняющих «женскую» роль и «мужскую роль», хотя в большинстве однополых пар подобное деление отсутствует. Неосознаваемая гомофобия может привести исследователя к подозрениям, что в подобных семьях что-то обязательно должно быть не в порядке. Все это может отразиться в формулировании концептуальных основ исследования, в обосновании его методологии, в постановке целей и формулировании гипотез, в анализе и интерпретации полученных данных и т.п. Например, в одном дипломном исследовании мы видим следующую гипотезу: «Образ Я женщин с гомосексуальной идентичностью смещён в сторону от образа «настоящей женщины»». Такая формулировка изначально ставит гомосексуальную идентичность «в стороне», т.е. определяет как отклонение от «основной линии», хотя в целом в работе прослеживается концепция гомосексуальной идентичности как особенной, а не «отклоняющейся».

Преодоление искажающих влияний гендерных стереотипов и гомофобии возможно путем проработки исследователем собственных гендерных стереотипов и более глубокому предварительному знакомству со специальной литературой. Возможно также проведение пилотного исследования, предназначенного не только для проверки инструментария, но и для более близкого знакомства с людьми, составляющими выборку. Мы уже писали ранее [7] о ключевом значении межличностного контакта для преодоления гомофобных установок.

Перейдем к третьей части нашей статьи и наметим возможные **направления психологических исследований** однополых семей. Как и в любых исследованиях семей, возможно применение разных методологических подходов в зависимости от целей и задач исследования. В качестве предмета исследования могут выступать детерминанты выбора семейного партнера и факторы успешности этого выбора, цикл развития семьи и ее ролевая структура, межличностные отношения партнеров, особенности воспитания детей (рожденных в однополых союзах, либо детей

от предыдущих гетеросексуальных браков, либо усыновленных/взятых под опеку) и др.

Как и в любых научных исследованиях, самым важным здесь является не просто сбор фактов об однополых семьях, но концептуальное истолкование этих фактов. Для подготовки и проведения подобных исследований мы предлагаем опираться на методологическую базу не только психологии семьи, но и гендерных исследований в психологии. Во-первых, это обусловит особую концентрацию внимания исследователя на социокультурных механизмах формирования исследуемых феноменов. Во-вторых, это позволит избежать гендерной стереотипизации при построении исследований и подойти к однополым семьям как к принципиально новому исследовательскому объекту.

Отметим также, что в отечественной психологии совершенно неисследованной областью является изучение эффективности оказания психологической помощи однополым семьям. Сегодня в России развиваются специализированные психологические службы, оказывающие помощь представителям социальных групп гомосексуалов и бисексуалов, и спрос на помощь однополым парам постоянно растет. Особенности же позиционирования однополых партнерств в обществе как маргинальных, ущербных, неполноценных, угрожающих общественному порядку обуславливают дополнительное содержание психотерапевтических запросов, которое редко встречается при консультировании гетеросексуальных семей. Можно сказать, что вся эта область в целом на данный момент еще ожидает своих психологов-исследователей.

Отмечая важность психологических исследований феномена гомосексуальности, Александрова О.В. подчеркивает: «...в психологических исследованиях на эту тему необходимо переходить от стереотипизации и стигматизации к широким, многомерным исследованиям на объективной основе. Для более полноценного исследования, по крайней мере, в женской психологии, необходимо включение групп женщин с различной сексуальной ориентацией не только потому, что они представляют генеральную совокупность, а потому, что они дают более полную картину природы женской сексуальности» [2]. Вслед за этим мы также хотим подчеркнуть, что исследования однополых семей важны, в том числе, и потому, что они дают возможность значительно пополнить общие представления о семье, ее функциях и структуре, формировании и развитии.

Литература:

1. Carl D. Counselling Same-Sex Couples. – New York: W.W.Norton, 1990.
2. Александрова О. В. Проблемы развития женской сексуальности. Психологические особенности женщин гомосексуальной ориентации./ Ред. журн. «Вестн. С.-Петербур. ун-та». Сер. Филос. и соц.-полит. науки. – СПб., 2005. Деп. в ИНИОН РАН № 59 523 от 11.11.05.

3. Андронов Д.А. Использование гендерных ролей как копинг-ресурса у мужчин с гомо и гетеросексуальной идентичностью // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. Г. Герцена. №23 (54): Аспирантские тетради: Научный журнал. – СПб., 2008. – С. 291-297.
4. Воронцов Д.В. Социально-психологические характеристики межличностного общения и поведения мужчин с гомосексуальной идентичностью. Дис. на соиск. уч. ст. канд. псих. наук. - Ростов-на-Дону, 1999. – 184с.
5. Кочетков И., Кириченко К. Дискриминация по признакам сексуальной ориентации и гендерной идентичности в России. Доклад по результатам проведения мониторинга. – М., 2009. – 112 с.
6. Куприянова И.С. Однополые семьи в современном обществе: проблемы нормализации // Проблема нормы и патологии: современные дискурсивные практики. - Саратов: Издательство СГМУ, 2002. С.28-32.
7. Сабунаева М.Л. Межличностное общение как способ преодоления гомофобии // Гендерная дискриминация: Практики преодоления в контексте межсекторного взаимодействия. – Иваново: ИЦГИ, 2009. С.154-167.
8. Саймон Г. Вопросы интимных отношений // «Розовая психотерапия»: Руководство по работе с сексуальными меньшинствами / Под ред. Д. Дейвиса, Ч. Нила. — СПб.: Питер, 2001. С.174-197.
9. Сатир В. Как строить себя и свою семью / Пер. с англ. - М.: Педагогика-пресс, 1992. - 190 с.
10. Торохтий В. С. Психология социальной работы с семьей. - М.: ЭКСМО Пресс, 1996. - Т. 3. - 500 с.
11. Харгаден Е., Ллевелин С. Проблемы, связанные с рождением и воспитанием детей // «Розовая психотерапия»: Руководство по работе с сексуальными меньшинствами / Под ред. Д. Дейвиса, Ч. Нила. — СПб.: Питер, 2001. С.198-221.
12. Эйдемиллер Э.Г., Никольская И.М., Добряков И.В. Семейный диагноз и семейная психотерапия. – СПб.: Речь, 2006. – 352 с.

ЛЮБИМЫЙ СКАЗОЧНЫЙ ПЕРСОНАЖ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ РЕБЕНКА

Выбор Любимого сказочного персонажа связан с личностными особенностями или жизненной ситуацией ребенка. Но до сих пор точно неизвестно, в чем именно заключается эта связь, и какие параметры являются значимыми. Диагностика на основании просто имени любимого персонажа (Кощей, Бармалей или Человек-Паук) не является информативной, так как в зависимости от восприятия сказочной реальности и сказочного персонажа самим ребенком будет меняться контекст.

Для того чтобы проанализировать взаимосвязь выбора любимого персонажа и сказки с актуальной жизненной ситуацией ребенка рассмотрим результаты корреляционного анализа параметров сказки, выделенных ребенком, любимого момента и персонажа, оценки ребенком себя и своей жизненной ситуации и оценки родителем своего ребенка и его (ребенка) жизненной ситуации. Основными векторами анализа полученных результатов выбраны параметры оценки любимого персонажа. Многие из них взаимосвязаны между собой, но при этом большинство имеет свою специфику, раскрывающуюся во взаимосвязи с описанной ребенком сказки, своего состояния и жизненной ситуацией, поэтому такие параметры рассматриваются отдельно. Остановимся на описании некоторых типажей, которые получены на выборке детей 7-8 лет.

Взаимосвязь параметра Любимого персонажа **Веселый/Грустный** с другими характеристиками представлена на рисунке 1.

Первый типаж

Если ребенок выбирает в качестве любимого **грустного** персонажа, то этот персонаж так же будет обладать характеристиками злой, красивый, несчастный, нелюбимый. Это - антагонист. Любимая сказка – волшебная. Ребенок обозначает в сюжете сказки борьбу с антагонистом, победу, ликвидацию изначальной недостачи или беды, спасение героя. В описании любимого момента выделит завязку, ход действия сказки, борьбу с антагонистом, наказание, получение суперприза. Данному описанию соответствует злая мачеха из сказки «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях», Снежная Королева из сказки «Снежная Королева» и т. п.

Себя ребенок считает грустным, злым, плохим, несчастным, неуверенным; выделяет трудности в когнитивной и регуляторной сфере, что можно рассматривать как проблемы в обучении и достижениях; не видит своих сильных сторон, особенно в нравственной сфере. Свою жизнь ребенок считает грустной, злой, плохой, несчастной, некрасивой, нечестной, неуспешной, пустой, грубой, беззащитной, холодной.

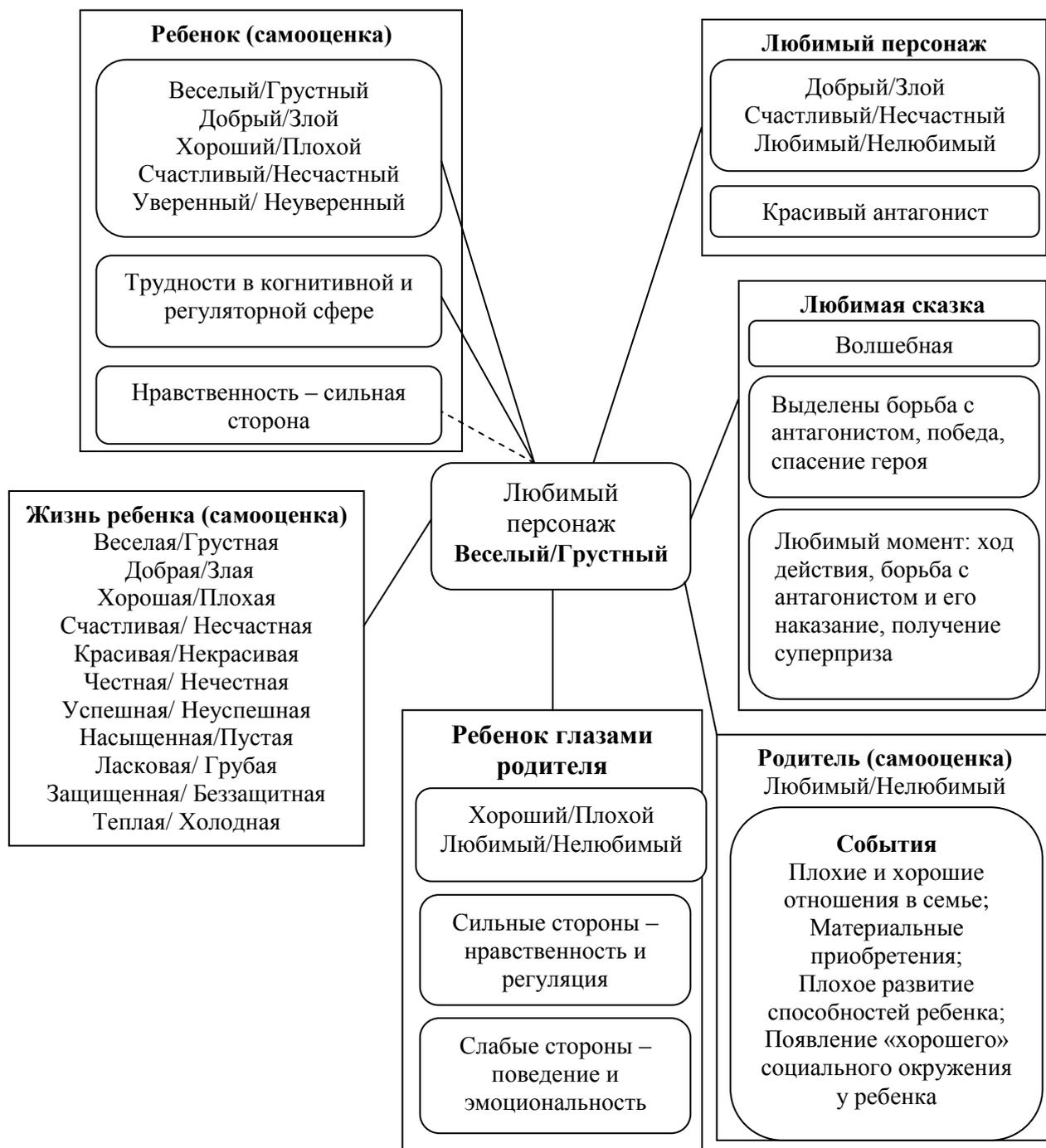

Рисунок 1. Блок-схема: Взаимосвязь параметра Любимого персонажа Веселый/Грустный с другими характеристиками.

Родители считают своего ребенка плохим и нелюбимым; считают его особенным во всех отношениях; а нравственную и регуляторную сферу его сильными сторонами (что противоречит восприятию ребенком себя), а поведение и эмоциональность – слабыми. Жизнь ребенка родители считают трудной. Выделяют такие события в жизни ребенка как наличие «плохих» и «хороших» отношений в семье, материальные приобретения, «плохое» развитие способностей ребенка и его достижений, появление «хорошего» нового социального окружения в жизни ребенка. Родитель считает себя нелюбимым. Данные характеристики могут говорить о

наличии в семье ребенка конфликтной ситуации. В семье существует сверх-внимание к ребенку, когда важно не состояние ребенка, а его достижения и поведение. Это отношения, в которых происходит подмена теплых отношений, личного взаимодействия на материальные приобретения и/или сверх-развитие. Высокая протекция и требования без реального удовлетворения потребностей ребенка, может рассматриваться как стиль воспитания по типу «повышенная моральная ответственность».

То есть выбор **грустного**, злого и красивого антагониста, когда одновременно и привлекательна роль злодея и значимо наказание этого злодея за сделанные поступки отражает конфликтную ситуацию в семье: когда существует нарушение контакта с родителем, происходит замена удовлетворения психологических потребностей на материальные приобретения и/или сверх-развитие.

Взаимосвязь параметров Любимого персонажа **Хороший/Плохой**, **Любимый/Нелюбимый** с другими характеристиками представлена на рисунке 2.

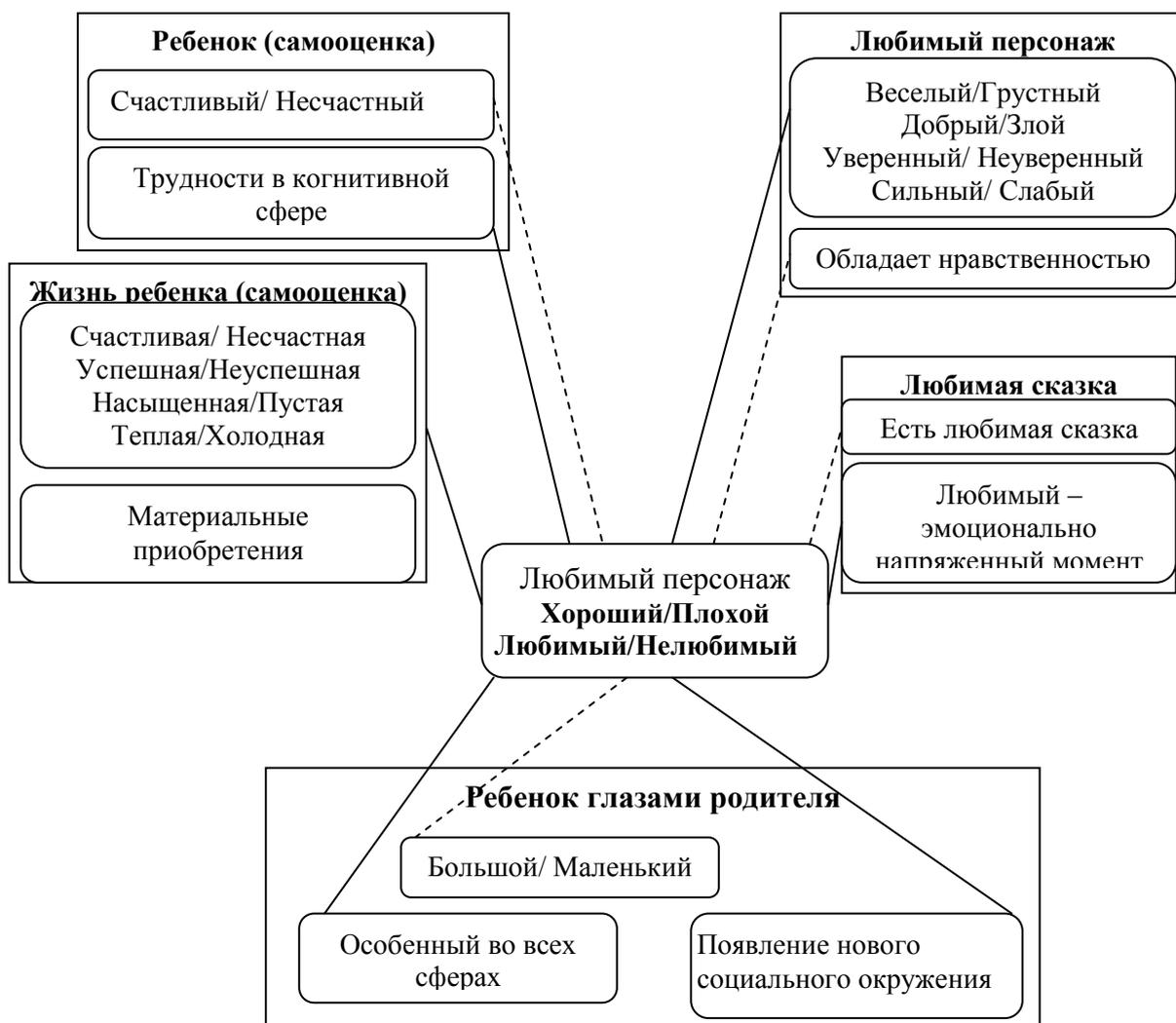

Рисунок 2. Блок-схема: Взаимосвязь параметров Любимого персонажа Хороший/Плохой, Любимый/Нелюбимый с другими характеристиками.

Второй типаж

Если ребенок выбирает в качестве любимого персонажа, который оценивается как плохой и нелюбимый, то этот персонаж будет обладать и характеристиками грустный, злой, неуверенный, слабый. Любимый персонаж – антагонист. Ребенок не отметит нравственность любимого персонажа. В сказке ребенок делает акцент на вредительстве, получении волшебного средства и связанных с этим сильных эмоциональных переживаниях. Данному описанию больше всего соответствует Шрам из м/ф «Король Лев», Ахмад из сказки «Приключения Алладина», различные герои-монстры из комиксов типа «Человек-Паук» и т.п. Любимый персонаж представляет собой типаж, который может все, в том числе, и разрушить мир.

Ребенок считает себя счастливым. Видит свои трудности в когнитивной сфере. Свою жизнь ребенок считает несчастной, неуспешной, пустой, холодной. Обозначает материальные приобретения в качестве событий своей жизни. Данное описание отражает тип жизненного сценария ребенка «Я – хороший, вы - плохие», что может рассматриваться как сильный защитный механизм, который мешает признавать свои трудности и проблемы. Т.е. в сознании ребенка трудности связаны не с ним (со мной все в порядке), а с окружающим миром. Очень часто такое восприятие реальности имеют агрессивные дети, чья симптоматика связана с минимальной мозговой дисфункцией.

Родители считают своего ребенка большим, особенным во всех сферах. Родители выделяют в качестве событий в жизни ребенка появление «хорошего» нового социального окружения в жизни ребенка. Можно предположить, что родитель, стараясь включить ребенка в различные социальные сферы, в силу разных причин не требует четких поведенческих границ для ребенка, который является особенным. Данное описание соответствует стилю воспитания по типу «потворствующая гиперпротекция» или семейной системе с созависимыми отношениями.

То есть выбор плохого и всеми нелюбимого антагониста без нравственной направленности, когда для ребенка важен акцент на вредительстве, получении волшебного средства и связанных с этим сильных эмоциональных переживании, отражает существующую у ребенка трудность соблюдения поведенческих норм по типу «Я – хороший, вы - плохие», когда в семейной системе существует стиль потворствующая гиперпротекция.

Третий типаж

Если ребенок в качестве любимого выбирает **хорошего и любимого** персонажа, то считает его и веселым, добрым, уверенным, нравственным, персонаж - не антагонист. Такому типу соответствует Мери Поппинс из сказки «Мери Поппинс, до свидания!», Фея из сказки «Золушка» и т.п.

Себя ребенок считает несчастным, но без каких-либо трудностей, свою жизнь оценивает положительно по всем параметрам (добрая,

счастливая, наполненная), не выделит материальные приобретения в качестве событий. Родители считают своего ребенка маленьким и не особенным, предсказуемым. Каких-либо событий в жизни ребенка не выделяют. Данное описание может говорить о том, что родители «не видят» ребенка, когда удовлетворяются основные потребности ребенка, но сам ребенок не замечается. Функцией любимого персонажа в данном случае будет замещение нехватки внимания взрослого. Это «придуманный друг», который всегда помогает, обращает внимание, интересуется жизнью ребенка.

Т.е. выбор в качестве любимого персонажа **хорошего и любимого с нравственной направленностью** (помогающего и интересующегося проблемами других) является замещением нехватки внимания со стороны взрослого, когда родитель удовлетворяет потребности ребенка, но не интересуется его внутренней жизнью.

Взаимосвязь параметров Любимого персонажа по параметру **Умный/Глупый** с другими характеристиками представлена на рисунке 3.

Рисунок 3. Блок-схема: Взаимосвязь параметра Любимого персонажа Умный/Глупый с другими характеристиками.

Четвертый типаж

Если ребенок выбирает в качестве любимого персонажа, который оценивает как глупого, то, считает его грустным, плохим, несчастным, неуверенным, слабым, нелюбимым, маленьким. Любимым является смешной момент, когда акцентируется получение волшебного средства и наказание злодея. Т.е. любимой является комедия, любой «дурашливый», не обязательно добрый, персонаж, который попадает в комичные истории. Любимым является любой смешной момент, что можно рассматривать как разрядку накопившегося напряжения или разрядку страха быть в подобной ситуации. Ярким примером описанного типажа являются Диснеевские герои, например, Вудди из м/ф «Приключения Вудди Вудпекерра», Энди-Панда, из м/ф «Энди - Панда», Том из м/ф «Том и Джерри»

Ребенок считает свое поведение, эмоциональность и способности своими сильными сторонами, обозначает трудности со способностями, выделяет свои особенности. Свою жизнь считает грустной, несчастной, некрасивой, нечестной, неуспешной, пустой, грубой, холодной. Т.е. это описание способного и достаточно уверенного в себе ребенка в трудной ситуации, связанной с достижениями.

Родитель считает своего ребенка большим. Говорит об особенностях ребенка в эмоциональной, поведенческой, регуляторной сферах, выделяет в качестве слабых сторон ребенка его способности, говорит об отсутствии трудностей с поведением и эмоциональностью ребенка. Родитель считает себя веселым, добрым, счастливым, уверенным. Исходя из количества оценок, которые дает родитель своему ребенку, можно предположить, что это социально адаптированный ребенок, в отношении которого у родителя существует большое количество ожиданий и требований, с которыми ребенок не всегда справляется.

Т.е. выбор ребенком в качестве любимого глупого персонажа, с которым происходят волшебные превращения; выбор комедии «просто посмеяться», в которой акцентируется внимание на наказании «злодея» отражает потребность ребенка снять напряжение, возникающее из-за большого количества ожиданий родителя; потребность побыть «маленьким».

Пятый типаж

Выбор ребенком в качестве любимого **умного** персонажа, который также оценивается как веселый, хороший, счастливый, уверенный, сильный, любимый, большой, например, как Балда из «Сказки о попе и работнике его Балде», Иван из м/ф «Летучий корабль», Дядя Степа из м/ф «Дядя Степа – милиционер» и т. п., свидетельствует о благополучной жизненной ситуации. Это говорит о том, что ребенок знает свои сильные стороны, умеет использовать их в трудных ситуациях и получать поддержку от окружающих; а также об адекватной обратной связи родителя ребенку.

Взаимосвязь параметров Любимого персонажа по параметру **Большой/Маленький** с другими характеристиками представлена на рисунке 4.

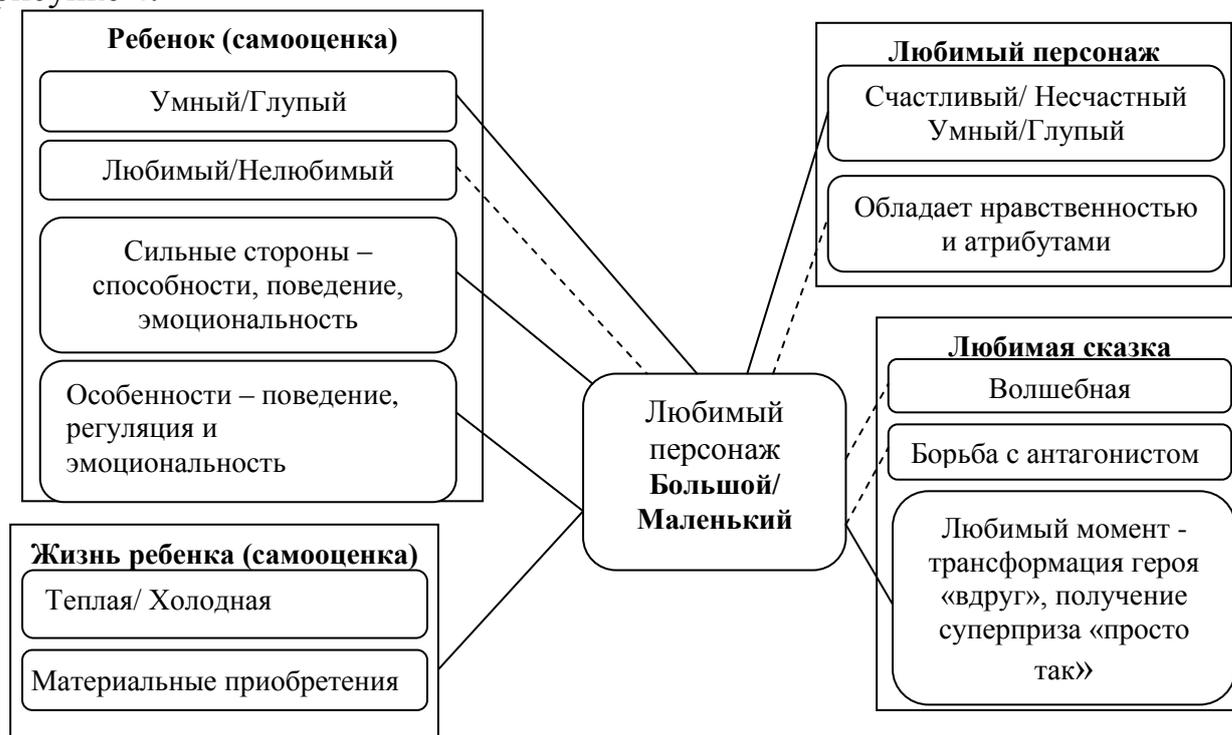

Рисунок 4. Блок-схема: Взаимосвязь параметра Любимого персонажа Большой/Маленький с другими характеристиками.

Шестой типаж

Если ребенок выбирает в качестве любимого персонажа, который оценивает как маленького, то этот персонаж также является несчастным и глупым, у которого ребенок не выделяет красоту и атрибуты. Любимая сказка не волшебная, нет акцента на борьбе с антагонистом. Любимый момент - трансформация героя «вдруг», получение суперприза «просто так». Ярким примером описанного типажа является Гадкий утенок из сказки «Гадкий утенок», Маленький Мук из сказки «Маленький Мук» и т. п.

Себя ребенок считает глупым, но любимым. Свои способности, поведение и эмоциональность считает сильными сторонами, но поведение, эмоциональность и регуляцию считает и своими особенностями. Жизнь свою ребенок считает холодной, в качестве событий выделяет материальные приобретения. Оценка родителей не проявлена.

Данное описание позволяет предположить, что это ребенок занятых родителей. В процессе воспитания, в силу занятости родителей или их личных свойств (неразвитость родительских чувств) общение с ребенком заменяется на материальные приобретения. Ребенок может считать себя любимым, потому что есть материальные приобретения, он привык, что они есть «просто так».

Таким образом, выбор в качестве любимого маленького, несчастного и глупого персонажа, который не отличается красотой и изменения (трансформация) происходят «вдруг», а само действие разворачивается в неволшебной сказке без ярко выраженного антагониста является проекцией внутреннего состояния ребенка и отражением его жизненной ситуации, когда нет истинной теплоты общения.

На основании рассмотренных результатов, можно видеть, что существует взаимосвязь между представлением о себе и своей жизни, семейной ситуацией и выбранной сказкой и любимым персонажем. При диагностике состояния и жизненной ситуации ребенка посредством анализа любимого персонажа, важен не столько выбранный образ, но параметры, которые являются значимыми для ребенка; то, на чем ребенок сам акцентирует свое внимание (характеристики любимого персонажа и любимый момент ребенка).

СУБЪЕКТИВНАЯ КАРТИНА ЖИЗНЕННОГО ПУТИ У ЖЕНЩИН С РАЗЛИЧНЫМ СЕМЕЙНЫМ СТАТУСОМ

Современные семейные и брачные схемы сильно трансформировались с советских, а тем более, досоветских времен (Дружинин В. Н., 1999). Меняется отношение к браку, растет количество гражданских союзов, последние раньше (а в юридической терминологии до сих пор) назывались сожителем. Современные девушки не ориентируются на традиции, которым следовали их мамы и бабушки; их девиз: «наслаждение жизнью»[9]. В этой связи, встает вопрос о значимости брака, семейного положения для современных женщин. А также, о месте, которое занимает создание собственной семьи в жизненной программе женщины. Жизненная программа личности конкретизируется в субъективной картине жизненного пути (психический образ, в котором отражены пространственно-временные характеристики жизненного пути – значимые события прошлого, настоящего и будущего, их причинно-следственные и целе-средственные связи) [1].

В связи с вышеизложенным нами была поставлена цель: определить место и значение семейного статуса в субъективной картине жизненного пути женщин. В исследовании приняли участие 40 женщин в возрасте от 21 до 25 лет, средний возраст 22 года, 20 из них состоят в браке (детей нет) и 20 незамужние. Для реализации цели были использованы методики: каузометрия [4] для диагностики субъективной картины жизненного пути, метод мотивационной индукции Нюттена [11] для определения жизненной перспективы будущего и метод портретных выборов Сонди [10] с целью определения жизненных влечений.

Рассмотрим некоторые структурные характеристики субъективной картины жизненного пути в двух группах (см. таблицу 1).

Таблица 1 Структурные характеристики СКЖП

Показатель	Состоит в браке $X \pm \delta$	Не состоит в браке $X \pm \delta$	Уровень значимости различий, $p \leq$
Осмысленность прошлого	$35,8 \pm 17,0$	$59,8 \pm 19,3$	0,01
Осмысленность будущего	$36 \pm 9,3$	$13 \pm 8,7$	0,01
Деятельностный стиль жизнедеятельности	$50,4 \pm 20,4$	$37,2 \pm 22,3$	0,05
Удовлетворенность жизнью (осознаваемый уровень)	$0,52 \pm 0,30$	$0,51 \pm 0,28$	

Показатель	Состоят в браке $X \pm \delta$	Не состоят в браке $X \pm \delta$	Уровень значимости различий, $p \leq$
Удовлетворенность жизнью (неосознаваемый уровень)	$0,10 \pm 0,04$	$0,11 \pm 0,30$	
Общая мотивационная насыщенность СКЖП	$126,2 \pm 25,1$	$96,2 \pm 22,3$	0,05
Темпоральные коды в жизненной перспективе			
Прошлое	$0,6 \pm 0,2$	$3,2 \pm 1,0$	0,05
Первый период профессиональной автономии	$3,6 \pm 1,5$	$1,8 \pm 1,9$	0,05
Год	$3,0 \pm 1,1$	$1,5 \pm 1,2$	

У замужних женщин более осмысленным оказывается будущее (понимание связей настоящих и предполагаемых событий, четкие планы с причинно – следственными связями), то есть их жизненная программа только начинает реализовываться. Замужество не является завершением жизненной программы, оно оказывается опосредованно прошлым и обуславливает события в перспективе (прежде всего рождение детей). Нужно обратить внимание, на тот факт, что в выборке замужних нет женщин с детьми, брак не является случайным, необдуманым, он скорее запланирован; смена семейного статуса, включаясь в жизненную программу, становится основой для дальнейших прогнозируемых событий. У незамужних же более осмысленно прошлое, куда включены ступени социализации (школа, ВУЗ, начало профессиональной деятельности), имеется опыт отношений, но они не связаны с будущим, не играют роли в построении перспективы. Таким образом, память об отношениях у незамужних женщин уходит в прошлое, а отсутствие причинно-следственных и целе-средственных связей обедняет образ будущего [3]. Здесь можно говорить о возможности попадания в кризис бесперспективности (Ахмеров Р. А., 1994); поскольку прежние отношения не переосмыслены (события – авантюры в терминологии Кроника А. А.), они не выступают в качестве ресурса для построения новой жизненной программы.

Обратимся к темпоральным (временным) кодам жизненной перспективы (также таблица 1). У женщин состоящих в браке чаще встречается планирование на год и на первый период профессиональной автономии (25 – 45 лет), то есть можно говорить о достаточной структурированности жизненной перспективы личности. Это согласуется с

данными полученными по методике каузометрического опроса. У незамужних же перспектива будущего менее структурирована (ведущий темпоральный код «жизнь в целом», им трудно локализовать реализацию своих целей). Кроме того, у них значимо чаще, нежели у замужних, встречается код «прошлое». Данный факт можно интерпретировать как связанность временной транспективы (Ковалев В. И., 1995). Но также возможно, это ориентация на прошлый негативный опыт. Последнее предположение более вероятно, поскольку данный временной код чаще попадает в отрицательные индукторы (например: «я боюсь, что он меня не понимал», «я не хочу помнить некоторые события»).

Содержательно (см. рисунок 1) в перспективе у незамужних встречается страх одиночества. В обеих группах основные мотивационные цели направлены на деятельность и материальные ценности, что согласуется с современными представлениями об успехе (Терешкина И. Б., 2004).

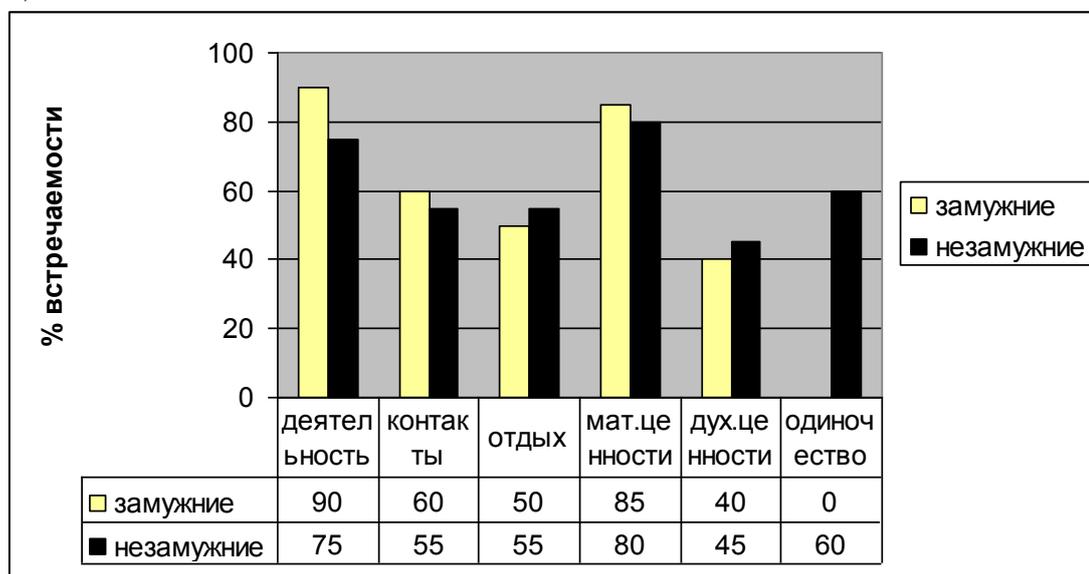

Рисунок 1. Частотное распределение целей в перспективе будущего

У замужних женщин (как видно из таблицы 1) преобладает деятельностный жизненный стиль, то есть стремление к самосовершенствованию и расширению своих возможностей. Это можно объяснить активностью девушек рано вышедших замуж. С другой стороны, как было показано в наших прежних работах [12], деятельностный стиль жизнеосуществления характерен для людей с высокой осмысленностью будущего, поскольку есть четкий план, образ будущего, который и мотивирует к действиям. Рассмотрим показатель мотивационная насыщенность субъективной картины жизненного пути (в причинно-целевой концепции психологического времени – это количество и сила связей между событиями, что указывает на способность человека управлять своей жизнью), который выше у замужних женщин, то есть они уверены в своей способности управлять собственной судьбой. Это может происходить благодаря способности планировать свою жизнь (и личную в

частности). Возможно также, что смена семейного статуса позволяет чувствовать себя более уверенно. У незамужних же отношения чаще представлены как «события – авантюры», а они уменьшают количество межсобытийных связей, а следовательно, снижают и общую мотивационную насыщенность субъективной картины жизненного пути.

Показатель удовлетворенность жизнью (как на осознаваемом, так и на неосознаваемом уровнях) не различаются в обеих группах. Возможно, семейный статус не определяет удовлетворенность жизнью женщин в молодом возрасте. По всей видимости, значение имеет не сам статус, а его субъективная оценка, что подтверждается другими исследованиями (Петрова Л. Е., 2000). Также заметим, что оценки удовлетворенности жизнью (на неосознаваемом уровне) более вариативны у незамужних женщин.

Теперь обратимся к некоторым содержательным аспектам субъективной картины жизненного пути. Рассмотрим субъективную наполненность событиями различных сфер жизнедеятельности в двух группах (см. рис.2).

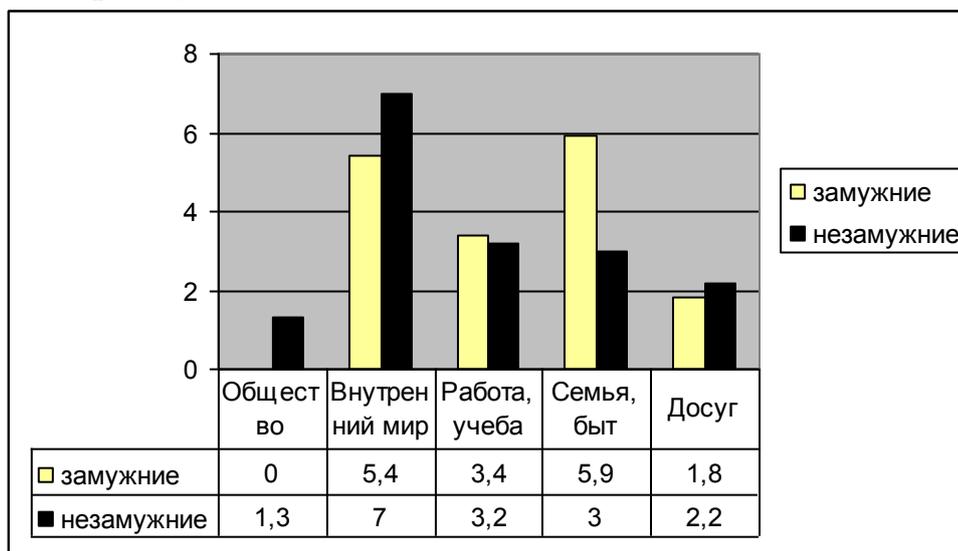

Рисунок 2. Субъективная наполненность событиями сфер жизнедеятельности

Как видно из диаграммы у замужних женщин наиболее часто встречающийся в субъективной картине жизненного пути является сфера «семья», кроме того, эта сфера значимо преобладает по сравнению с незамужними. Данный факт подтверждает значимость семейного статуса для жизненной программы личности. Само событие «свадьба» (присутствующее в картине жизни всех состоящих в браке женщин) опосредованно более ранними событиями (знакомство, любовь) и становится основой для дальнейших: рождение детей, совместные путешествия, переезды, эмиграция. На втором месте у замужних (и на первом у незамужних) находится сфера «внутренний мир» (изменение ценностей, взглядов, представлений), у многих она нередко выступала как дополнительная (например, «переезд на новую квартиру» относясь к сфере

быта, одновременно способствует изменению взглядов), но наиболее часто к этой сфере относятся события, связанные с общением, с другими людьми, что подчеркивает важность диалогичности в построении жизни человека (Бахтин М. М., 1979). Далее следует сфера «работа», она остается значимой для замужних, поскольку большинство из них так или иначе предполагают реализовываться и в профессии. Примечательно, что сфера «общество» представлено в картине жизни только незамужних женщин. Это может быть связано с направленностью самореализации на общественные, а не семейные цели (тип женщин – карьеристок, что заметно в картинах жизни), но это верно не для всех, ведь сфера работа и общество все же не лидирующие. С другой стороны, некоторые женщины, как упоминалось ранее, склонны в субъективной картине жизненного пути опираться на этапы социализации, а они отчасти включают и события сферы «общество».

Рассмотрим значимость событий «свадьба», «замужество», «рождение детей» в жизненных программах замужних и незамужних женщин. Событие «свадьба» (замужество, начало семейной жизни) представлено в картине жизни всех женщин, состоящих в браке, значимость этого события высокая, при чем, как мотивационная (богатство межсобытийных связей), поскольку, как уже описывалось, это событие служит основой для построения дальнейшей жизненной перспективы; так и личная, осознаваемая значимость. У незамужних женщин событие «замужество» присутствует не всегда (в данном случае мы говорим о предполагаемом событии в будущем), имеет более слабую (по сравнению с замужними) мотивационную насыщенность, но все же оказывается личностно значимо. В обеих выборках наиболее значительным (и по оценки личностной значимости, и мотивационно) оказывается событие «рождение ребенка», кстати, часто указывается желательный пол. Это согласуется с предположениями Дружинина В. Н. о большей значимости для русских женщин ребенка, нежели мужа.

Коротко опишем сферу жизненных влечений в выборке (по методике Сонди). У незамужних женщин, по сравнению с замужними, значимо ($p \leq 0,05$) преобладает потребность в любви (фактор $h+$), а по вектору контактности (С) часто наблюдается реакция одиночества ($d0 m-$) или прилипание к уже потерянному объекту ($d- m-$). Это сочетается с присутствием в их субъективной картине жизненного пути отношений в прошлом, которые ничего не дали для будущих предполагаемых событий. Здесь можно говорить о некоторой специфичности выборки: незамужние женщины в выборке не состоят на данный момент в отношениях и ощущают себя одиночками. Это дает возможность продолжить исследования и разработать биографический тренинг для преодоления одиночества.

Таким образом, мы можем заключить, что семейный статус является высоко значимым для формирования жизненной программы женщины, он обуславливается рядом событий в субъективной картине жизненного пути

и служит основой для построения перспективы будущего. Удовлетворенность жизнью больше зависит от субъективной оценки брака, а не от самого факта его заключения. Наиболее значимым в картине жизни женщин (как замужних, так и незамужних) является рождение ребенка. Для женщин, которые ощущают себя одинокими, характерно выраженная ориентация на прошлые отношения и низкая осмысленность образа будущего в субъективной картине жизненного пути, что дает возможность разработки биографического тренинга с целью преодоления одиночества.

Литература:

1. Ахмеров Р.А. Жизненные программы личности // Наука и практика. Диалоги нового века: Материалы международной научно-практической конференции. Часть 1. – Набережные Челны: Изд-во Камского государственного политехнического института, 2003
2. Бурлачук Л. Ф. , Коржова Е. Ю. Психология жизненных ситуаций М. – Российское педагогическое агентство, 1998
3. Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности М., Смысл, 2008
4. Кроник А. А., Ахмеров Р. Каузометрия: Методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути М.: Смысл, 2003
5. Логинова Н. А. Психобиографический метод исследования и коррекции личности: Учебное пособие. - Алматы: Казак университеті, 2001.
6. Нуркова В. В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. – М.: УРАО, 2000
7. Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. Декабрь 2000. № 12. С. 50-55.
8. Радина Н. К. Жизненные сценарии женщин трех поколений современной России// Психология зрелости и старения. № 3 (31), осень. 2005. С. 48 – 66.
9. Собчик Л. Н. Метод портретных выборов –адаптированный тест Сонди - СПб: Речь, 2007
10. Справочник по психодиагностике Под. ред. Посоховой С. Т. СПб.: Сова 2005
11. Трегубенко И. А. Структурные характеристики субъективной картины жизненного пути у молодых людей с различным восприятием времени/Штудии: Альманах научно-образовательной практики. Вып. 7 – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. – с. 33 - 37

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОНФЛИКТОВ В МОЛОДОЙ СЕМЬЕ

В реалиях XXI века еще острее стоят вопросы о том, как нам обрести устойчивый, гармоничный союз с другим человеком и каким образом сохранить этот союз на протяжении всей жизни. Большинство специалистов сходятся во мнении, что современная российская семья переживает подлинный кризис, причем проявление этого кризиса обнаруживается тем ярче, чем выше общий уровень социально-экономического развития общества, чем выше уровень жизни и материального благополучия людей. Особые трудности испытывает молодая семья, которая сегодня наиболее нуждается во внимании и поддержке как со стороны государства, так и со стороны ученых. В предупреждении и преодолении семейных конфликтов очень многое зависит от искусства общения в семье, основу которого составляет стремление сгладить назревающий семейный конфликт, а не разжигать его; умение воспринимать супруга таким, какой он есть.

Вопросам семейных конфликтов посвящены труды: В.А. Сысенко, И.С. Голода, Н.Г. Юркевича, М.Я. и др. В работах данных авторов нашли отражение отдельные вопросы конфликтов в семье, в частности развод, причины конфликтов, формы конфликтного взаимодействия. Вопросы выявления причин семейных конфликтов и нахождения путей их разрешения исследовались в работах В.А. Сысенко, С.Ю. Ключникова, А. Росс, А.П. Ощепковой, В.П. Шейнова и др.

Особенности конфликтов в семье выражаются в том, что психическое состояние супругов может перейти в стрессовое, искажающее психику человека; обостряются отрицательные переживания в духовном мире человека, может наступить состояние опустошенности, при котором всё кажется безразличным. Поэтому наше исследование заключалось в выявлении причин возникновения конфликтов в молодой семье. А объектом выступили 40 человек (20 молодых супружеских пар).

С этой целью были использованы: методика «Предотвращения конфликтов в молодой семье» американского социального психолога К.Н. Томаса (1973) адаптированная Н.В. Гришиной, тест-опросник удовлетворенности браком (ОУБ), разработанный В.В. Столиным, Т.Л. Романовой, Г.П. Бутенко; методика «Удовлетворенность отношениями в паре»; методика «Конфликтная ситуация в семье» - модифицированный вариант методики «20 утверждений самоотношения» М. Куна и МакПартленда.

Семейный конфликт - это особый вид социального взаимодействия между членами семьи, при котором действия одного из членов семьи сталкиваются с противодействиями другой во всех сферах жизнедеятельности человека. Для молодых браков характерны процессы

первоначального вхождения в мир друг друга, формирование навыков распределения труда и обязанностей в семье, решение жилищных, финансовых и связанных с ведением общего хозяйства и быта проблем, вхождение в роли мужа и жены, продолжающиеся процессы формирования личности, процессы приобретения жизненного опыта, взросления и возмужания. Этот период брачной жизни является самым трудным с точки зрения стабильности семьи.

Так, результаты, полученные на выборке мужчин, показывают, что основой возникновения конфликта в их семьях является чрезмерный контроль со стороны жены. Многие мужчины традиционно исходят из точки зрения, что муж – глава семьи, что есть мужская работа в семье и женская, которой немного больше, по существу это весь домашний быт. Они признают за собой право на своеобразное отдельное времяпровождение как на своеобразный отдых от постоянного контакта с супругой, полагая, что в современной жизни, напряженной и насыщенной многими событиями, они нуждаются в разнообразном отдыхе, в том числе и за пределами семьи. Между супругами возникает напряжение, которое может разрядиться с помощью конфликтов, супруги на время дистанцируются (отдаляются) друг от друга, получая передышку в этой борьбе. У мужчин семейный конфликт пробуждает негативные эмоции, возникает обида за то, что его не поняли, возникает раздражение, и даже гнев в адрес жены.

В представлениях женщин муж – это, прежде всего добытчик, но он должен помогать жене в домашних делах. Они полагают, что основой возникновения конфликта в семье является отсутствие взаимопонимания со стороны супруга, а себя предпочитают считать «жертвами». Семейный конфликт мешает им заниматься семейными обязанностями, в силу того, что они более подвержены переживаниям и поэтому чаще первыми уступают, удовлетворяя желания мужа, так как понимают, что нежелание и неумение уступать – путь, ведущий к ссорам и нередко – к разводам. В отличие от мужчин женщины предпочитают уединение внутри дома, чтобы подумать и найти выход из сложившейся ситуации. Нередко женщины склонны упрекать мужей в том, что они хоть и считают себя главой семьи, но не в состоянии заботиться и обеспечивать должным образом семью, мало зарабатывают денег в отличие от других мужчин, чем вызывают у мужа ревность в свой адрес. Тем не менее, большинство опрошенных молодых супружеских пар считают свой брак вполне благополучным и полностью удовлетворены отношениями между собой. Таким образом, конфликтная ситуация в семье возникает, когда один из супругов контролирует каждый шаг другого и слабо отличает свои желания и потребности от желаний и потребностей партнера. Попытками держать под контролем поведение супруга, только испортит отношения и создаст условия возникновения конфликтной ситуации в семье.

Литература:

1. Гозман Л. Я, Алешина Ю. Е. Шкалы любви и симпатии // Методические программы и методики исследований брака и семьи. — М-, 1986.
2. Голод С. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. - Л., 1984.-325 с.
3. Федотова Н. Ф. Ролевые ожидания мужа и жены, их регулятивное воздействие на развитие супружеских отношений.-В сб.:Семья и личность Тезисы докладов всесоюзной конференции в г. Гродно.-М., 1981.-С.100-101.
4. Харчев А.Г., Голод С.И. Молодежь и брак \ Человек и общество. - ЛГУ, 1969. - Вып.

ВЛИЯНИЕ СЕМЬИ НА УРОВЕНЬ ТОЛЕРАНТНОСТИ У МОЛОДЁЖИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Россия испокон веков была полиэтническим государством. Это положение сохраняется и сегодня. В наших уникальных условиях опасно проявление этнических предрассудков, которые выливаются в погромы, избиение и дискриминацию представителей этнических меньшинств.

По теории конструктивизма, наши эмоции развиваются как мощные биологические силы в процессе нашей самоорганизации. Эмоции играют важную роль в направленности нашего внимания, формировании наших восприятий, организации нашей памяти и в стимулировании нашего активного включения в процесс обучения — жизнь постоянно требует от нас этого. Эмоции выступают как центральное звено в переживании человеческого опыта. Чувство не является чем-то плохим, опасным или нездоровым. Наоборот, не чувствовать или бороться с тем, что мы чувствуем, — это более серьезная угроза нашему здоровью и благополучию. Это особенно важно при формировании личности человека. Вот почему очень важно понять, какими чувствами окрашено межэтническое взаимодействие. Не остается ли в душе участников глубокая обида, забытое, но не отреагированное переживание.

Все описанные процессы в виде социальных фобий и, более глубоких по своей сущности, этнических предрассудков в условиях семьи неосознанно влияют на подрастающее поколение и закладывают то бессознательное, что в последствии может вырваться в виде бессознательного раздражения и гнева.

Семья - основной носитель культурных образцов, наследуемых из поколения в поколение, а также необходимое условие социализации личности. Именно в семье человек обучается социальным ролям, получает основы образования, навыки поведения. Семья является основой всех социальных институтов [стр. 56,1].

На сегодняшний день недостаточно изучено влияние семейной среды на динамический процесс формирования этнических стереотипов у подростков. Хотя, уже всеми признано, что ни школа, ни учителя не имеют такого авторитета среди молодого поколения, как семья. Только через семью, как ячейку общества, можно и нужно внедрять идеи толерантности и терпимого отношения к представителям других этносов.

Настоящее исследование проводилось с целью эмпирически выявить, действительно ли семья является одним из факторов, влияющих на формирование системы этнических стереотипов и общего уровня толерантности у молодёжи Санкт-Петербурга. В качестве объекта исследования выступили 30 семей, состоящих из трёх поколений: первым поколением мы считаем молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет, ко второму поколению мы отнесли родителей, к третьему – прародителей в

формате одной семьи. Были выдвинуты следующие гипотезы исследования:

- Семья, через общий выбор информационных источников об этнических проблемах и конфликтах, влияет на систему этнических стереотипов и миропонимания каждого из своих членов.
- В семье формируется и транслируется система этнических стереотипов относительно некоторых социальных групп на каждого её члена.

В исследовании использовались авторская анкета, опросник

И.Марковской «Взаимодействие родитель – ребенок» (ВРР) [2] и цветовой тест Люшера [3].

Рассмотрим полученные данные:

При ответе на закрытый вопрос «Чаще всего информацию о национальных проблемах, конфликтах Вы черпаете из сообщений...» выяснилось следующее (рис. 1):

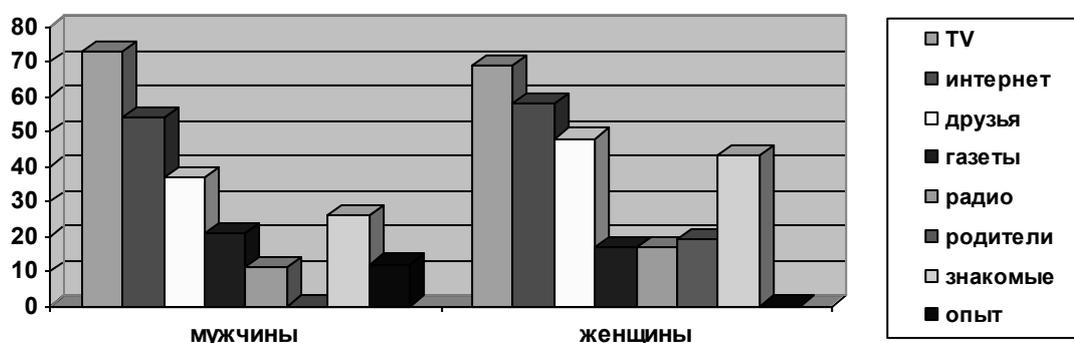
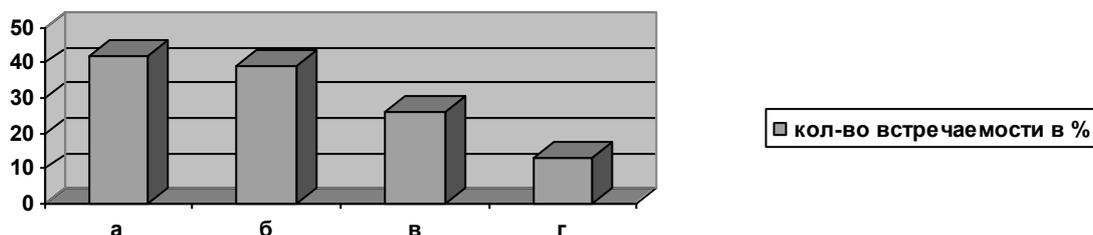

Рисунок 1. Выборы источников информации у мужчин и женщин.

На рисунке 1 показаны выборы источников информации для мужчин и женщин. При ответе на вопрос опрашиваемые могли выбрать как один, так и несколько предложенных позиций (TV, интернет, друзья, личный опыт, газеты, радио, родители, знакомые). Было выявлено, что у женщин, в их выборе, присутствует позиция «родители» (19%). Что говорит о поддержании родственных связей, передаче личного опыта и установок внутри структуры семьи по материнской линии.

У мужчин в нашей выборке нет ни одного выбора данной позиции. Это может говорить о культурной детерминированности, оторванности мужчин от родительской семьи. При этом, мы наблюдаем присутствие такой позиции, как «личный опыт» (12%). То есть, стремления опираться в первую очередь на себя. Руководствоваться своими знаниями, наблюдениями, опытом. Позиции «личный опыт» у женщин в нашей выборке отсутствует. И это может указывать нам на то, что гендерное разделение ролей в семье, обусловленное воспитанием в данной культурной среде, обуславливает различия в источниках информации. Отличие в восприятии окружающей действительности. А так же мы можем видеть один из путей передачи системы стереотипов внутри семьи.

Мы также рассмотрели выборы источников информации внутри каждой семьи на уровне трех поколений (рис.2):

Условные обозначения:
а – одинаковый выбор у всех трех поколений;
б – одинаковый выбор у первого и третьего поколений;
в – одинаковый выбор у первого и второго поколений;

Рисунок 2. Общие выборы источников информации в семье.

Были выявлены такие особенности, как взаимосвязь выбора источников информации от семьи. Это проявилось в том, что в 42% случаев у всех трёх поколений одной семьи выбор главных источников информации по национальным проблемам был одним и тем же.

Мы можем на основании выборки говорить о том, что в 39% случаев существует общий выбор главных, с точки зрения респондентов, источников информации у первого и третьего поколений (у молодых людей и их прародителей). В 26 % случаев одинаковый выбор у первого и второго поколений (молодых людей и их родителей). И в 13% случаев – одинаковый выбор источников информации у второго и третьего поколения (у родителей и прародителей).

На основании полученных данных мы можем говорить, о зависимости выбора респондентами источников информации от семейных предпочтений. А значит, и зависимости мировосприятия через призму, авторитетных для респондента, источников информации, которая может передаваться на бессознательном уровне в условиях конкретной семьи.

Полученные данные подтвердили выдвинутую нами первую гипотезу о том, что, семья, через общий выбор информационных источников об этнических проблемах и конфликтах, влияет на систему этнических стереотипов и миропонимания каждого из своих членов.

Отношение к мигрантам в нашей выборке мы выявили через проективную ситуацию: «Если бы Вы были губернатором Санкт-Петербурга, то как бы Вы решили проблему мигрантов в нашем городе?» (рис.3).

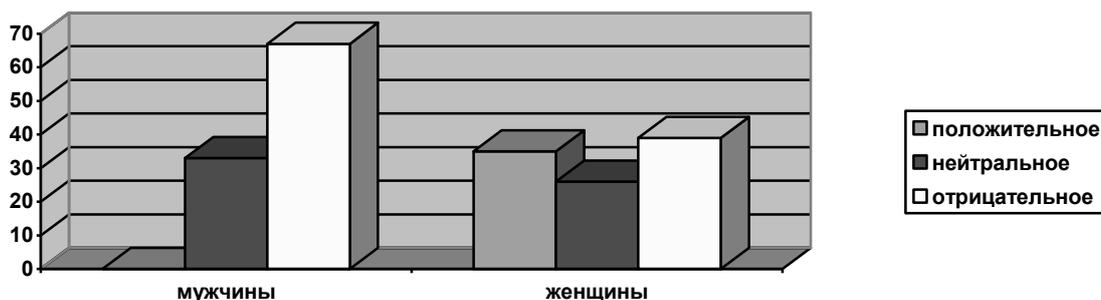

Рисунок 3. Отношение к мигрантам мужчин и женщин.

И ещё раз подтвердили гипотезу о том, что «...Женщины более толерантны, чем мужчины.»[4].

После этого мы посмотрели, как распределились мнения внутри каждой семьи. На диаграмме №1 представлены результаты по нашей выборке (по 30 семьям):

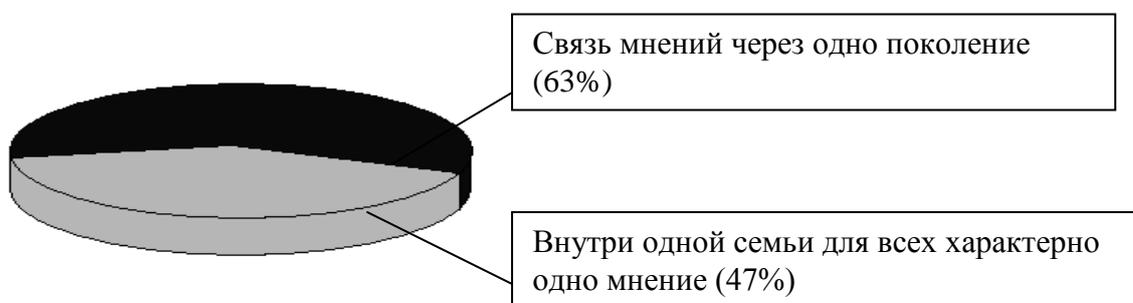

Диаграмма 1. Отношение к мигрантам внутри семьи.

На диаграмме 1 показано отношение в семье к мигрантам. Было проведено сравнение ответов всех трех поколений, что дало нам возможность выявить следующие закономерности:

В 47% случаев внутри семьи господствует единое мнение по отношению к мигрантам в нашем городе. А в 63% случаев внутри семьи мнения разделяются. Было замечено, что прародители и молодые люди могут иметь одно мнение, а родители, зачастую, другое. То есть, мы наблюдаем в некоторых семьях совпадение мнений через поколение. Можно говорить о передаче стереотипов относительно некоторых социальных групп на уровне структуры семьи.

При использовании цветового модифицированного теста Люшера были выявлены следующие данные о цветовых предпочтениях внутри семей респондентов (рис.4):

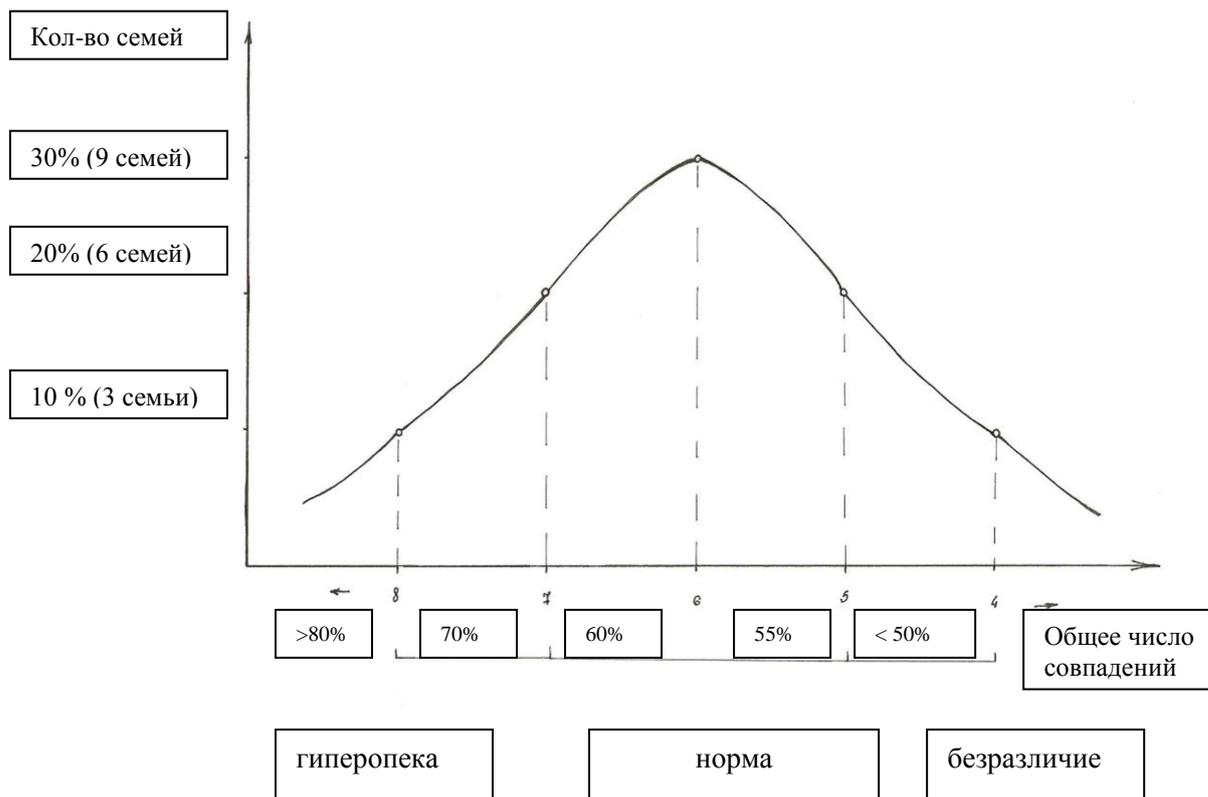

Рисунок 4. Кривая распределения цветовых предпочтений респондентов в своих семьях.

На рисунке №4 отображены закономерности в выборе цветовых ассоциаций внутри семьи. Было выявлено, что в семьях у всех трёх поколений в нашей выборке наблюдается совпадение по цветовым ассоциациям относительно определенных исследователем этносов. Причём, совпадение во всех семьях более 50%.

На этом основании можно проверять подлинность анкет – если совпадений менее 50% по выбранным категориям – значит, анкета поддельная или это опрашивались совершенно посторонние, не состоящие в браке люди.

При дальнейшей обработке эмпирического материала мы опирались на полученные данные через опросник И.Марковской «Взаимодействие родитель – ребенок» (ВРР), направленный на изучения взаимодействия родителей с детьми и их качество по 10-ти шкалам.

На основании уточненных данных, мы можем косвенно судить о характере взаимоотношений в семье: более 70% совпадений у всех трех поколений – в семье присутствует гиперопека. От 55% до 70% – это нормальные доверительные отношения, причем как для полных семей, так и для неполных семей. От 50% до 55% – в семье присутствует эмоциональная холодность, отстраненность в отношениях, безразличие. Более 90% совпадений – говорят, скорее всего, о ложности данных, так как полное совпадение не возможно по личностным особенностям восприятия каждого человека.

Данные по модифицированному цветовому тесту Люшера позволили нам выявить интересные особенности, но требуют дальнейшего изучения и расширения выборки.

Полученные данные подтвердили выдвинутую нами вторую гипотезу о том, что, в семье формируется и транслируется система этнических стереотипов относительно некоторых социальных групп и эта система стереотипов влияет на членов трех поколений семьи.

Литература:

1. Андреева Г.М. Социальная психология. Третье издание. М.: Наука, 1994.
2. А. Г. Лидерс Психологическое обследование семьи. Серия Высшее профессиональное образование. Изд-во: «Академия», М., 2008. - 432 с.
3. Почебут Л. Г. Взаимопонимание культур: Методология и методы этнической и кросс-культурной психологии. Психология межэтнической толерантности: Учебное пособие. -СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005.- 281 с.
4. Общественное животное. Исследования. Под редакцией Э.Аронсона. Том №2. – СПб.: прайм – ЕВРОЗНАК, 2003. – 352 с. (Проект №Высшая школа психологии»).